А. Н. Островски

Лес

ЕШЕ
ПРЕД
ГОСУД
МОС

ЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
КЛАССИКОВ

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ЛЕС

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ПРЕДИСЛОВИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ Д. КИРЕЕВА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

*Научно - педагогической секцией
Государственного ученого совета
допущено для школьных библиотек*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА • 1929 • ЛЕНИНГРАД

Печатается по тексту полного Собрания Сочинений А. Н. Островского, под ред. Н. Долгова. Госуд. изд. 1919 г. ПБ.

У, 27. Гиз № 30065/м. Ленинградский Областлит № 24432. 4 л. Тираж 35000.

Типография „Печатный Двор", Ленинград, Гатчинская, 26.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Купечество, чиновничество и дворянство — вот тот мир, из которого берет своих героев А. Н. Островский (1823 — 1886). Из пятидесяти слишком произведений, написанных Островским, тридцать посвящены изображению купечества, восемь — изображению чиновничества, три — картинам и нравам из жизни упадочного дворянства, и только остальная, незначительная часть написана на другие, большею частью исторического характера, сюжеты и темы.

Выбор героев и сюжетов художественных произведений не является случайным и не зависит от каприза автора; он диктуется ему характером эпохи и влиянием той социальной среды, в которой ему приходится вращаться. И А. Н. Островский не представлял исключения в этом отношении.

Эпоха, на которую падает литературная деятельность Островского (1846 — 1866 гг.), была в истории старой России эпохой смены двух культур: эпохой разложения феодально-крепостнического хозяйства, а вместе с тем и дворянско-помещичьей, усадебной культуры, с одной стороны, и развития денежного хозяйства и с ним вместе культуры буржуазно-капиталистической, с другой.

Бытовые и психологические свойства двух борющихся классов: дворянства и буржуазии стояли в строгой связи с этим обстоятельством.

Дворянство времени Островского, хотя и продолжало попрежнему сверху вниз смотреть на людей денежного капитала, хотя и продолжало считать их «аршинниками, архиплутами и протобестиями», как выражался когда-то гоголевский городничий, но все это была лишь спесь промотавшегося человека. Оно и само уже чувствовало денежную, хозяйственную мощь «аршинников», превращающихся в «именитое» купечество. Дворянское правительство, постоянно нуждаясь в деньгах и не получая их с переставшего быть прибыльным крепостного хозяйства, всячески поощряет это «именитое» купечество; разорившееся дворянство старается родниться с ним, чтобы поправить свое материальное положение богатым приданым купеческих дочек. Но это мало помогает делу: как класс, дворянство оканчивает свою историю и уступает свое место другому классу. Только еще на верхах, около престола «первого дворянина» — российского самодержца держатся остатки дворянской аристократии, среднее же дворянство и низы его уже совсем мало напоминают своих привилегированных предков.

Спасая свое положение, борясь за свое существование, в самом грубом и прямом смысле этих слов, они или сами начинают превращаться всякими правдами и неправдами в людей денежного капитала, или ищут применения своих сил все на той же «царевой службе» в качестве чиновиков-бюрократов.

Отдельные представители дворянского класса, которые не хотели или не могли итти по этой дороге, становились отщепенцами его, «изгоями»; хватались за то случайное, что посылала жизнь, и

оканчивали свое земное существование какими-нибудь актерами — трагиками Несчастливцами. Повторяем, дворянство эпохи Островского, как класс, падало и умирало.

Но зато за его счет все больше и больше рос и креп прежний «аршинник и архиплут» — купец.

Купец эпохи Островского это далеко уже не то же, что купец, скажем, эпохи Гоголя. Тот молча гнет свою спину перед дворянином — городничим, дает ему взятки, как законную дань, позволяет таскать себя за бороду и валяется в ногах у разгневанного городничего. Купец Дикой у Островского на просьбу-совет городничего хорошенько рассчитывать мужичков, которые каждый день ходят к нему с жалобами, треплет этого городничего по плечу и благодушно, сверху вниз отвечает: «стоит ли, Ваше Высокоблагородие, нам с Вами об таких пустяках разговаривать!» Купец Гоголя при грозном крике городничего падает ему в ноги, а купец Восьмибратов у Островского, когда на него начинает кричать «полковник» Несчастливцев, спокойно и деловито останавливает его: «что же Вы кричите! Вы будете кричать, я буду кричать, будет базар, а толку не выдет». И на возмущение Несчастливцева: «Ты, ты?.. Ты будешь кричать?» с сознанием собственного достоинства возражает: «Да отчего же не кричать, коли здесь такое заведение? Мы промеж себя говорим тихо, потому у нас глухих нет». Задетый за живое упоминанием Несчастливцева о своей чести, он уже и сам кричит, хватаясь за свое оружие, за свой кошелек: «Хочешь, барин, я тебя одним словом убью?.. Бери на свою совесть, бери, сколько хочешь!»

А за спиной Восьмибратовых уже стоят европеизированные Васильковы, которые «долго и постоянно занимаются чистой и прикладной матема-

тикой», свои действия всегда контролируют строго составленным бюджетом и думают уже о салонах, в которых «даже министра принять не стыдно».

В общем, если дворянство в эпоху Островского было уже классом прошлого, то буржуазия была классом настоящего и будущего.

Вот в этом-то и состояла та смена культур, о которой мы говорили выше и которая так сильно отразилась в творчестве Островского.

К этому влиянию на автора со стороны эпохи присоединилось и влияние социальной среды, в которой ему приходилось вращаться в детстве и в начале своей служебной карьеры.

Островский не мало времени провел на службе сначала в Совестном суде, а затем в Московском Коммерческом суде. Здесь он постоянно сталкивался и с дворянством и особенно с миром купцов и чиновников и прекрасно изучил эту среду, знакомую ему еще и по впечатлениям его детской жизни в Замоскворечьи.

Как автор комедий, Островский осмеивал недостатки и дворянства, и купечества, и чиновничества, но по его произведениям очень не трудно узнать, что если с кем-нибудь из них он и мирится, то это не с дворянством и чиновничеством, а именно с купечеством. Он не мало потратил красок и на обличение, правда в общем всегда мягкое, ласковое, недостатков этого «темного царства», но в нем же он нашел и много примиряющего с ним, лично ему, Островскому, симпатичного: патриархальность, непосредственность, размах, а главное жизненную силу и мощь; тогда как чиновничество и особенно дворянство изображены у него почти исключительно в отрицательном освещении. Говоря словами Г. В. Плеханова, наша буржуазия именно ему, Островскому, «заказала свой портрет, воспользо-

вавшись своими сбережениями», именно его сделала идеологом своего социально-экономического значения и своей мощи, разрешив ему, однако, во имя художественной правды, и посмеяться над своими промахами и неудачами, а иногда и очень крупными недостатками, как только еще пробивающего себе дорогу класса.

«Лес» Островского — это очень яркая иллюстрация ко всему, сказанному выше. Здесь есть представители состоятельного дворянства и дворянства захудалого, обедневшего; есть и отщепенцы дворянства (актер Несчастливцев), есть и представители купечества.

Дворянство в пьесе представлено в очень неприглядном виде. Помещица Гурмыжская Раиса Павловна — тип пожилой, но молодящейся барыни. Она проживает, вернее, прожигает, остатки своего богатого имения. В провинции она создала себе репутацию очень добродетельной женщины, на самом же деле вся ее жизнь полна любовными приключениями очень невысокого свойства. С деньгами она обращаться не умеет. «Набьет барыня полну коробку деньгами, — говорит ее слуга Карп, — и держит их, и гроша никто не выпросит, а тут вдруг и полетят тысячи и полетят». Пользуясь этим, ее всячески эксплоатирует купец Восьмибратов. Свою достойную карьеру добродетельной помещицы Гурмыжская заканчивает тем, что женит на себе своего приживальщика, почти мальчишку, Буланова.

Это — тоже «достойный» отпрыск дворянства. Подхалим, недоучившийся гимназист, он весь в мечтах о том, как бы пожить по «настоящему». Сделавшись женихом Гурмыжской, он сейчас же принимает меры к тому, чтобы никому ничего не дать из богатств своей будущей жены; Карпу грозит, что у него все будут по струнке ходить, а нет, «то и марш

со двора», а собравшимся гостям, дворянам Милонову и Бодаеву обещает, что дворяне найдут в нем «самого горячего защитника их интересов и привилегий».

Два другие дворянина в пьесе: все время поддакивающий Гурмыжской Милонов и человек с претензией на прямоту и правду Бодаев — представлены ничтожными и малозначащими фигурами.

Такова в «Лесе» дворянская среда, — олицетворение пошлости и ничтожества, ничего, кроме брезгливости, к себе не вызывающая.

Понятно, что с ней не хочет мириться человек, у которого в душе есть чуткость и порядочность. Актер Несчастливцев, племянник Гурмыжской и ее единственный наследник, бежит из этого «леса», из царства «сов и филинов», и хотя остается нищим, но уходит от них к своей тяжелой, бродяжнической, но свободной и не лишенной для него красоты жизни провинциального актера-трагика, отдав свои последние деньги сестре, тоже обиженной помещицей Гурмыжской. Островский с особенной чуткостью и любовью отнесся к Несчастливцеву, в котором он изобразил известного провинциального актера Рыбакова, упомянув его имя и в самой комедии. Несчастливцев у него не только говорит «как Шиллер»; он и чувствует и действует, как какой-нибудь шиллеровский благородный рыцарь. Правда, он часто позирует, говорит напыщенным, «театральным» языком — и в это время в нем особенно чувствуется провинциальный актер-трагик, — но это в нем не рисовка с каким-нибудь корыстным расчетом; это его, так сказать, «вторая натура».

Любовь и интерес Островского к русскому театральному миру особенно ярко сказались в образе Несчастливцева.

Купечество в пьесе представлено отцом и сыном Восьмибратовыми. Отец — тип купца, высасывающего последние соки из разоряющегося дворянства. Пользуясь глупостью Гурмыжской, он за бесценок скупает по частям все ее имение, Даже не от жадности, а просто потому, что оно «плохо лежит». «Глупые на то и существуют, чтобы умным было хорошо» — вот его девиз. Рядом с ним живет богатая помещица, у которой, по его словам, «рассудок в умалении», он этим и пользуется. Своей зависимости, а тем более какой-либо приниженности перед этой помещицей, а равно и другими дворянами он совершенно не чувствует. Держит себя свободно, говорит тоже. Задетый за живое упреком Несчастливцева, что у него нет чести, он протестует: «как так у меня чести нет? . . Уж насчет там чего другого я не хвалюсь, а насчет чести я вот что скажу, барин: я не человек, я правило». Эта «честь» заставляет его и туго набитый бумажник бросить чуть не в лицо Несчастливцева со словами: «хочешь, барин, я тебя одним словом убью?» В силу своего бумажника он верит, как в бога, и эта-то вера и дает ему такое независимое положение среди его классовых врагов — дворян.

Восьмибратов — хищник, «приобретатель», но в нем есть сила, красочность, независимость, и это очень выгодно выделяет его из среды Гурмыжских, Милоновых и им подобных... Если к этому прибавить еще и то, что Островский лишил его и обычных у его купцов самодурства и деспотизма, то тем яснее нам станет, что симпатия его, как автора, не на стороне, как мы уже говорили, упадочного дворянства, а на стороне идущего ему на смену царства Восьмибратовых, даже несмотря на все их недостатки.

С точки зрения художественного выполнения, комедия «Лес» написана Островским с обычным ему мастерством, полна живости и движения и потому при чтении, а особенно на сцене производит очень благоприятное впечатление.

Она типична для автора и еще в одном отношении: ее смех — обычный смех Островского: не желчный, не саркастический, а мягкий, ласковый, незлобивый, смех, как нельзя лучше отражающий ту его «сердечную теплоту», о которой он сам писал актеру Самойлову, определяя свое отношение к жизни.

Может быть этот смех и изменил бы свой характер, если бы он, такой прекрасный писатель-бытовик, заглянул в глубь крепостнической крестьянской жизни, с ее беспросветными нуждой и горем. Но, к сожалению, это был единственный класс старой России, которому Островский совершенно не отвел места в своих произведениях, если не считать его слуг и лакеев, с их выходными ролями.

Д. Киреев.

ЛЕС

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

Раиса Павловна Гурмыжская, вдова, лет 50-ти с небольшим, очень богатая помещица, одевается скромно, почти в трауре; постоянно с рабочим ящиком на руке.

Аксинья Даниловна (Аксюша), ее дальняя родственница, бедная девушка, лет 20-ти, одета чисто, но бедно, немного лучше горничной.

Евгений Аполлонович Милонов лет 45-ти, гладко причесав, одет изысканно, в розовом галстуке. Уар Кирилыч Бодаев, лет 60-ти, отставной кавалерист, седой, гладко стриженый, с большими усами и бакенбардами, в черном сюртуке, на-глухо застегнутом, с крестами и медалями по-солдатски, с костылем в руке, немного глух.	Богатые соседи Гурмыжской.

Иван Петров Восмибратов, купец, торгующий лесом.

Петр, его сын.

Алексей Сергеевич Буланов, молодой человек, не доучившийся в гимназии.

Карп, лакей Гурмыжской.

Улита, ключница.

Усадьба Гурмыжской, верстах в пяти от уездного города. Большая зала. Прямо две двери: одна выходная, другая в столовую: направо от зрителей окно и дверь в сад: налево две двери: одна во внутренние комнаты, другая в коридор. Богатая старинная мебель, трельяж,[1]) цветы, у окна рабочий столик, налево круглый стол и несколько кресел.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Карп *стоит у двери в сад, входит* Аксюша.

Аксюша. Раиса Павловна звали меня?

Карп. Так точно-с; только теперь гости приехали, так они в саду.

Аксюша *(вынув из кармана письмо)*. Послушай, Карп Савельич, не можешь ли ты?..

Карп. Что вам угодно-с?

Аксюша. Передать. Ты уж знаешь, кому.

Карп. Да как же, барышня? Теперь, ведь, уж словно как неловко. Правда ль, нет ли, у тетеньки такое есть желание, чтоб вам за барчонком быть.

Аксюша. Ну, не надо; как хочешь. *(Отворачивается к окну.)*

Карп. Да уж пожалуйте. Для вас отчего же... *(Берет письмо.)*

Аксюша *(глядя в окно)*. Продала Раиса Павловна лес?

Карп. Продали Ивану Петрову. Все продаем-с, а чего ради?

Аксюша. Не хочет, чтоб наследникам осталось; а деньги можно и чужим отдать.

Карп. Надо полагать-с. Мудрено сотворено.

Аксюша. Говорят, она эти деньги хочет за мной в приданое дать.

Карп *(очень серьезно)*. Дай-то бог!

Аксюша. Не дай бог, Карп Савельич!

Карп. Ну, как угодно-с. Я к тому, что все же лучше, пусть в приданое пойдут, чем туда же, куда и прочие.

Аксюша. Куда прочие... а куда же прочие?

Карп. Ну, это вам, барышня, и понимать-то невозможно, да и язык-то не поворотится сказать вам. Алексей Сергеич идут. *(Отходит к двери, Аксюша смотрит в окно; Буланов входит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Аксюша, Буланов, Карп, потом Улита.

Буланов *(Карпу)*. Что ж, ты набил мне папиросы?

Карп. Никак нет-с.

Буланов. Отчего же нет? Ведь я тебе велел.

Карп. Мало что велели! А когда мне?

Буланов. Нет, уж вы здесь зазнались очень. Вот что. Я вот Раисе Павловне скажу.

Карп. Не скажете; вы при них и курить-то боитесь.

Буланов. Боитесь... Чтоб были набиты! Не десять раз тебе говорить! *(Увидав Аксюшу, подходит к ней и очень развязно кладет ей на плечо руку.)*

Аксюша *(быстро обернувшись)*. Что вы! С ума сошли?

Буланов *(обидясь)*. Ах!!.. Извините! Что вы такой герцогиней смотрите, красавица вы моя?

Аксюша *(почти сквозь слезы)*. За что вы меня обижаете? Я вам ничего не сделала. Что я здесь за игрушка для всех? Я такой же человек, как и вы.

Буланов *(равнодушно)*. Нет, послушайте; вы в самом деле мне нравитесь.

Аксюша. Ах, да мне-то что до этого за дело! Какое вы имеете право трогать меня?

Буланов. Что вы все сердитесь, неизвестно за что? Эка важность! Уж и тронуть нельзя! Свое, да не трогать! Кто ж мне запретит?

Аксюша *(строго)*. А если не ваше, если чужое? Тогда что?

Буланов. Что за капризы! Надоело. Этак вы все дело испортите.

Аксюша. Какое дело?

Буланов. Какое... Будто не знаете? Вот какое: Раисе Павловне угодно, чтоб я женился на вас. А что Раисе Павловне угодно...

Аксюша. Тому и быть?

Буланов. Разумеется. Мы с вами люди бедные... Дожидаться, покуда прогонят? Нет, уж покорно благодарю. Куда мне? Опять к маменьке? Бить сорок-ворон за чужим двором?

Карп. Потише, сударь! Улита идет. *(Входит Улита и чего-то ищет.)* Вам чего здесь?

Улита. Я, кажется, забыла...

Карп. Ничего вы не забыли, это вы напрасно. У вас есть свой департамент, мы к вам не ходим. *(Улита уходит.)* Вот так-то лучше!.. Самая проклятая женщина!

Буланов. Расчет прямой, кажется можно понять.

Аксюша. Да, я понимаю.

Буланов. Так и упрямиться нечего. Перед кем здесь неприступность-то разыгрывать? Ведь, Раиса Павловна обещает много денег дать; чего ж еще? Креститься надо обеими руками.

Аксюша. Иное можно купить за деньги, а другое нельзя.

Буланов *(презрительно улыбаясь)*. Философия! *(Серьезно.)* Вы толку в деньгах не знаете, оттого так и разговариваете. Видно, нужды-то не видали? А тут впереди жизнь приятная... За деньги-то люди чорту душу закладывают, а не то, чтоб отказываться. *(Показывается Улита.)*

Карп. Что вы шмыгаете взад и вперед? Не видали вас тут? Здесь комнаты чистые.

Улита. Уж и войти нельзя!

Карп. Как это вы себе покою не найдете? Мечетесь вы, как угорелая кошка. Позовут вас, тогда другое дело. *(Улита уходит.)*

А к с ю ш а. Насильно мил не будешь, Алексей Сергеич.

Б у л а н о в. Ну, да уж я добьюсь своего; у меня не отвертитесь. Ведь, вам лучше меня здесь не найти.

А к с ю ш а *(тихо)*. Ошибаетесь. Захочу, поискать, так найду; а может уж и нашла. *(Карпу.)* Если Раиса Павловна спросит, я буду в своей комнате. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Б у л а н о в и К а р п.

К а р п *(подходя)*. Ах, барин, барин!

Б у л а н о в. А что, Карп?

К а р п. Молоды вы очень.

Б у л а н о в. Знаю, что молод.

К а р п. А это нехорошо.

Б у л а н о в. Что ж мне делать-то?

К а р п. Это не к пользе вашей... А вы старайтесь...

Б у л а н о в. Уж как не старайся, а вдруг лет не прибавится: я только из гимназии.

К а р п. Да что гимназия! Другие и в гимназии не были, да какие ловкие.

Б у л а н о в. Да на что ловкие-то?

К а р п. Да на все, а уж особливо, что мимо рук-то плывет. *(Улита показывается из коридора.)* Опять? Тьфу! Брысь ты, окаянная!

У л и т а *(скрываясь)*. Обидчик!

Б у л а н о в *(задумчиво)*. Да?.. Ну, что ж?

К а р п. То-то: «да». Вы что барышню-то тревожите? Какой тут авантаж?[2])

Б у л а н о в. Все-таки...

К а р п. Осторожнее надо, сударь; недаром Улита тут ползает, перенесет сейчас. А понравится ли

барыне? Еще неизвестно, куда вас Раиса Павловна определят. Они хоть и барыня, а ведь, их дело женское: никак даже невозможно этого знать, что у них на уме. Вдруг одно, и сейчас другое; у них в мыслях не то, что на неделе, на дню до семи перемен бывает. Вот вы говорите: жениться; а может, что другое заставят делать! Вы своей воли не имеете; привезли вас на пропитание, так как маменька у вас в бедности... А вы хотите... Уж вы и смотрите все в глаза.

Буланов. В глаза?

Карп. Беспременно. Так все ходите и смотрите, потому от них зависимы... А там, по времени, из разговора или из чего и можете понять... Барыня идут. *(Уходит. Буланов поправляет волосы и покручивает усики. Входят: Гурмыжская, Милонов и Бодаев.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гурмыжская, Милонов, Бодаев, Буланов.

Гурмыжская. Я вам говорила, господа, и опять повторяю: меня никто не понимает, решительно никто. Понимает меня только наш губернатор, да отец Григорий...

Милонов. И я, Раиса Павловна.

Гурмыжская. Может-быть.

Милонов. Раиса Павловна, поверьте мне, все высокое и все прекрасное...

Гурмыжская. Верю, охотно верю. Садитесь, господа!

Бодаев *(откашливаясь)*. Надоели.

Гурмыжская. Что вы?

Бодаев *(грубо)*. Ничего. *(Садится поодаль.)*

Гурмыжская *(заметив Буланова).* Алексис, Алексис! Вы мечтаете? Господа, представляю вам молодого дворянина, Алексея Сергеича Буланова. *(Буланов раскланивается.)* Судьба его очень интересна, я вам сейчас расскажу. Алексис, погуляйте в саду, мой друг. *(Буланов уходит. Гурмыжская и Милонов садятся у стола.)*

Милонов. Ваш родственник, вероятно?

Гурмыжская. Нет, не родственник. Но разве одни родственники имеют право на наше сострадание? Все люди нам ближние. Господа, разве я для себя живу? Все, что я имею, все мои деньги принадлежат бедным *(Бодаев прислушивается);* я только конторщица у своих денег, а хозяин им всякий бедный, всякий несчастный.

Бодаев. Я не заплачу ни одной копейки, пока жив; пускай описывают имение.

Гурмыжская. Кому не заплатите?

Бодаев. На земство,[3] я говорю.

Милонов. Ах, Уар Кирилыч, не о земстве речь.

Бодаев. Никакой пользы, один грабеж.

Гурмыжская *(громко).* Подвиньтесь поближе, вы нас не слышите.

Бодаев. Да, не слышу. *(Садится к столу.)*

Гурмыжская. Этот молодой человек, господа, сын одной моей приятельницы. Я встретилась с ней, в прошлом году, в Петербурге. Прежде, давно уж, мы жили с ней совершенно как сестры; но потом разошлись: я овдовела, а она вышла замуж. Я ей не советовала; испытавши сама, я получила отвращение к супружеству.

Бодаев. К супружеству, но не к мужчинам?

Гурмыжская. Уар Кирилыч!

Бодаев. Да я почему же знаю: я только спрашиваю. Ведь, разные бывают характеры.

Гурмыжская *(шутя)*. И к мужчинам, особеннно таким, как вы.

Бодаев *(привстает, опираясь на костыль, и кланяется)*. Премного вам за это благодарен.

Милонов. Раиса Павловна строгостью своей жизни украшает всю нашу губернию; наша нравственная атмосфера, если можно так сказать, благоухает ее добродетелями.

Бодаев. Лет шесть тому назад, когда слух прошел, что вы приедете жить в усадьбу, все мы здесь перепугались вашей добродетели: жены стали мириться с мужьями, дети с родителями; во многих домах даже стали тише разговаривать.

Гурмыжская. Шутите, шутите. А вы думаете, мне без борьбы досталось это уважение? Но мы удаляемся от нашего разговора. Когда мы встретились в Петербурге, моя подруга уж давно овдовела и, разумеется, глубоко раскаивалась, что не послушалась моих советов. Она со слезами представила мне своего единственного сына. Мальчик, как вы видите, на возрасте.

Бодаев. В солдаты годится.

Гурмыжская. Вы не судите по наружности. Он, бедный, слаб здоровьем и, представьте себе, какое несчастие! Он поэтому отстал от своих товарищей, так что все еще был в гимназии, и, кажется, даже еще в средних классах. У него уж и усики, и мысли совсем другие, и дамы стали им интересоваться; а он должен с мальчиками, шалунами, ходить в школу. Это унижало его, он скучал, удалялся от людей, бродил один по глухим улицам.

Бодаев. Не по Невскому ли?

Гурмыжская. Он страдал, страдала и мать; но средств помочь горю у ней не было. Имение совершенно разорено, сын должен учиться, чтоб кормить мать; а учиться прошло и время, и охота.

Ну, теперь, господа, судите меня, как хотите. Я решилась сделать три добрых дела разом.

Б а д а е в. Три? Любопытно.

Г у р м ы ж с к а я. Успокоить мать, дать средства сыну и пристроить свою племянницу.

Б о д а е в. Действительно, три.

Г у р м ы ж с к а я. Я выписала сюда на лето молодого человека; пусть они познакомятся; потом женю их и дам за племянницей хорошее приданое. Ну, теперь, господа, я покойна, вы знаете мои намерения. Хоть я и выше подозрений, но еслиб нашлись злые языки, вы можете объяснить, в чем дело.

М и л о н о в. Все высокое и все прекрасное найдет себе оценку, Раиса Павловна. Кто же смеет...

Б о д а е в. Ну, отчего же не сметь? Никому не закажешь: на это цензуры нет.

Г у р м ы ж с к а я. Впрочем, я мало забочусь об общественном мнении; я делаю добро и буду делать, а там пусть говорят, что хотят. В последнее время, господа, меня томит какое-то страшное предчувствие, мысль о близкой смерти ни на минуту не покидает меня. Господи, я умру скоро, я даже желаю, желаю умереть.

М и л о н о в. Что вы! Что вы! Живите! Живите!

Г у р м ы ж с к а я. Нет, нет, и не просите.

М и л о н о в. Ведь, это будут слезы, горькие слезы.

Г у р м ы ж с к а я. Нет, господа, если я не нынче умру, не завтра, во всяком случае, скоро. Я должна исполнить долг свой относительно наследников. Господа, помогите мне советом.

М и л о н о в. Прекрасно, прекрасно.

Г у р м ы ж с к а я. У меня близких родных только племянница моего мужа. Племянницу я надеюсь пристроить при жизни. Племянника я не видала пятнадцать лет и не имею о нем никаких известий;

но он жив, я знаю. Я надеюсь, что ничто не препятствует мне назначить его своим единственным наследником.

Милонов. Полагаю.

Бодаев. Да о чем и толковать?

Гурмыжская. Благодарю вас. Я так и сама думала. Он меня не забывает, каждый год присылает мне подарки, но писем не пишет. Где он — неизвестно, и я не могу писать к нему; а я еще ему должна. Один должник его отца принес мне старый долг; сумма хотя небольшая, но она тяготит меня. Он точно скрывается от меня; все подарки я получила из разных концов России: то из Архангельска, то из Астрахани, то из Кишинева, то из Иркутска.

Милонов. Какое же его занятие?

Гурмыжская. Не знаю. Я его готовила в военную службу. После смерти отца, он остался мальчиком пятнадцати лет, почти без всякого состояния. Хотя я сама была молода, но имела твердые понятия о жизни и воспитывала его по своей методе. Я предпочитаю воспитание суровое, простое, что называется, на медные деньги; не по скупости — нет, а по принципу. Я уверена, что простые люди, неученые, живут счастливее.

Бодаев. Напрасно! На медные деньги ничего хорошего не купишь, а тем более счастия.

Гурмыжская. Но, ведь, он не жалуется на свое воспитание, он даже благодарит меня. Я, господа, не против образования, но и не за него. Развращение нравов на двух концах; в невежестве и в излишестве образования, добрые нравы посередине.

Милонов. Прекрасно, прекрасно.

Гурмыжская. Я хотела, чтоб этот мальчик сам прошел суровую школу жизни; я приготовила его в юнкера и предоставила его собственным средствам.

Бодаев. Оно покойнее.

Гурмыжская. Я иногда посылала ему денег, но, признаюсь вам, мало, очень мало.

Бодаев. И он стал воровать, разумеется.

Гурмыжская. Ошибаетесь. Вот посмотрите, что он писал мне. Я это письмо всегда ношу с собою. *(Вынимает письмо из коробки и подает Милонову.)* Прочитайте, Евгений Аполлоныч!

Милонов *(читает)*. «Тетинька моя и благодетельница, Раиса Павловна! Сие излагаемое мною применительно к обстоятельствам моим, жизни, письмо пишу вам с огорчением при недостатках, но не с отчаянием. О, судьба, судьба! Под гнетом собственного своего необразования, пристыжаемый против товарищей, я предвижу неуспех в своей карьере к достижению».

Бодаев. До сих пор лестного немного для вас и для него.

Гурмыжская. Слушайте дальше.

Милонов. «Но не устрашусь! Передо мною слава, слава! Хотя скудное подаяние ваше подвергало меня не раз на край нищеты и погибели; но лобызаю вашу ручку. От юных лет несовершеннолетия до совершенного возраста я был в неизвестности моих предначертаний; но теперь все передо мною открыто».

Бодаев. И вам не стыдно, что ваш племянник, дворянин, пишет, как кантонист.[1])

Гурмыжская. Не в словах дело. По-моему, это прекрасно написано, тут я вижу чувство неиспорченное. *(Входит Карп.)*

Карп. Иван Петров Восьмибратов пришел с сыном-с.

Гурмыжская. Извините, господа, что я при вас приму мужика.

Бодаев. Только вы с ним поосторожнее, он плут большой руки.

Гурмыжская. Знаете, он такой хороший семьянин; это — великое дело.

Бодаев. Семьянин-то — семьянин, а чище всякого обманет.

Гурмыжская. Не верю, не верю, не может быть.

Милонов. Мы с вами точно сговорились; я сам горячий защитник семейных людей и семейных отношений. Уар Кирилыч, когда были счастливы люди? Под кущами. Как жаль, что мы удалились от первобытной простоты, что наши отеческие отношения и отеческие меры в применении к нашим меньшим братьям прекратились! Строгость в обращении и любовь в душе — как это гармонически изящно! Теперь между нами явился закон, явилась и холодность; прежде, говорят, был произвол, но за то была теплота. Зачем много законов? Зачем определять отношения? Пусть сердце их определяет. Пусть каждый сознает свой долг! Закон написан в душе людей.

Бодаев. Оно так, кабы только поменьше мошенников, а то больно много.

Гурмыжская *(Карпу)*. Зови, поди, Ивана Петрова! *(Карп уходит. Входят Восьмибратов и Петр.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Гурмыжская, Милонов, Бодаев, Восьмибратов, Петр.

Гурмыжская. Садись, Иван Петрович!

Восмибратов *(раскланивается и садится)*. Петр, садись! *(Петр садится у самой двери на край стула.)*

Милонов. Прикажете дочитать?

Гурмыжская. Читайте, он не помешает.

Милонов *(читает)*. «Нужда, ты непостижима! Благодарю вас, благодарю. Скоро мое имя покроется бессмертием, а с ним и ваше никогда не умрет для потомства, детей и внуков... Еще раз благодарю за все, за все. Ваш покорный к услугам племянник, дитя природы, взлелеянное несчастием, Гурмыжский».

Гурмыжская *(принимая письмо)*. Благодарю вас, Евгений Аполлоныч! Вот спросим у простого человека; он правду скажет. Иван Петрович, хорошо это письмо написано?

Восмибратов. Первый сорт-с! Вот ежели бы кому прошение, уж на что лучше.

Милонов. Но, ведь, этому письму двенадцать лет; что же теперь с вашим племянником, с его громкой славой?

Гурмыжская. Я вам говорю, не знаю.

Бодаев. Вдруг удивит.

Гурмыжская. Как бы то ни было, я горжусь этим письмом и очень довольна, что нашла в людях благодарность. Надо сказать правду, я его очень люблю. Я вас прошу, господа, пожаловать ко мне после завтра откушать! Вы, вероятно, не откажетесь подписаться под завещанием? Оно будет готово, я думаю, впрочем, во всяком случае, милости просим.

Бодаев. Приеду.

Милонов. Поверьте, все высокое и все прекрасное...

Гурмыжская. Конечно, если судить строго, я немного виновата перед наследником; я уж койчто продала из имения.

Восмибратов. Да-таки, сударыня, довольно; особенно как изволили проживать в столицах

Гурмыжская. Я очень щедро помогаю. Для ближнего мне не жаль.

Восмибратов. Так-с. А хоша бы и для себя; вы своему хозяйка, всякий человек живая тварь.

Гурмыжская. А теперь, вот уж лет семь, я живу совсем иначе.

Восмибратов. Это точно-с; слухов никаких насчет, чтобы чего... постоянную жизнь ведете.

Гурмыжская. Ах, да я и прежде... да не об этом речь. Я говорю, что живу очень экономно.

Бодаев. Извините! Не об вас речь! Вы не рассердитесь, пожалуйста! Но действительно у нас много дворянских имений в конец разорено бабами. Если мужчина мотает, все-таки, в его мотовстве какой-нибудь смысл есть; а бабьей глупости меры не положено. Нужно любовнику халат подарить, она хлеб продает не во-время за бесценок; нужно любовнику ермолку[5] с кисточкой — она лес продает, строевой, береженый, первому плуту.

Восмибратов. Это вы, ваше высокородие, действительно. Коли им, женскому сословию, в чем воля, так добра мало.

Бодаев. Ты думаешь?

Милонов *(Восьмибратову)*. Ах, Ваня, Ваня, как ты груб!

Восмибратов. Вопче говорится, сударь.

Милонов. Все-таки, Ваня, надо быть осторожнее, мой друг... А вот ты и ошибаешься; не от дам разорены имения, а от того, что свободы много.

Бодаев. Какой свободы? Где это?

Милонов. Ах, Уар Кирилыч, я сам за свободу; я сам против стеснительных мер... ну, конечно, для народа, для нравственно несовершеннолетних необходимо... Но, согласитесь сами, до чего мы дойдем!

Купцы банкротятся, дворяне проживаются... Согласитесь, что, наконец, необходимо будет ограничить законом расходы каждого, определить норму по сословиям, по классам, по должностям.

Бодаев. Ну, что ж, представляйте проект! Теперь время проектов, все представляют. Не удивите, не бойтесь, чай, и глупей вашего есть. *(Встает, Милонов тоже. Раскланиваются. Восмибратов и Петр встают.)*

Гурмыжская *(провожая их).* Господа, я вас жду после-завтра. *(Милонов и Бодаев уходят.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Гурмыжская, Восьмибратов, Петр.

Гурмыжская. Садись, Иван Петрович!

Восьмибратов *(садясь).* Петр, садись! *(Петр садится.)* Изволили присылать, сударыня?

Гурмыжская. Да, мне очень нужно тебя видеть. Принес ты деньги?

Восмибратов. Нет, сударыня, признаться сказать, не захватил. Коли нужно, так прикажите, я завтра же занесу.

Гурмыжская. Пожалуйста. Ты водочки не хочешь ли?

Восмибратов. Увольте! Нам без благовремения... тоже... ведь, люди, все одно.

Гурмыжская. Ты уж все принеси, как у нас уговор был.

Восмибратов. Слушаю-с.

Гурмыжская. Я не помню, кажется...

Восьмибратов. Да уж не извольте беспокоиться.

Гурмыжская. Кажется, полторы тысячи. *(Роясь в ящике.)* Где записка? Неужели я ее выронила? Не найду никак.

Восмибратов. Поищите, сударыня, хорошенько.

Гурмыжская. Но, во всяком случае, мне этих денег мало. Не купишь ли у меня еще участок лесу?

Восмибратов. Да чтоб уж вам весь его продать. Куда вам его беречь-то!.. Ведь, с лесом, сударыня, поверите ли, только грех один; крестьянишки воруют — судись с ними. Лес подле города, всякий беглый, всякий бродяга пристанище имеет, ну и для прислуги тоже, для женского пола... Потому как у них грибной интерес и насчет ягоды, а выходит совсем напротив.

Гурмыжская. Нет, я весь теперь не продам; что за имение без леса! Некрасиво. Может-быть, современем... а ты купи этот участок, что ближе к городу.

Восмибратов. Хошь я теперь и не при деньгах, а отчего ж не купить, коли сходно продавать будете. А я, было, признаться, к вам насчет другого товару.

Гурмыжская. Не понимаю.

Восмибратов. Сродственницу имеете, девицу, небогатую...

Гурмыжская. Так что же?

Восмибратов. Видел ее, что ли, где, или здесь как встретил мой парнишко. *(Петр встает.)*

Гурмыжская. Он?

Восьмибратов. Петр-с. Парень овца, я вам скажу. По глупости его и по малодушеству и приглянулась-с. Ну, конечно, мы с ним дорогого не стоим, а если б бог дал доброму делу быть, дали бы вы тысячки на четыре лесу на разживу ему, с нас бы и довольно. Он бы и пооперился с вашей легкой руки и жить пошел.

Гурмыжская. Я очень благодарна вам; но, друзья мои, извините! У нее уже есть жених, у меня в доме живет. Может-быть, в городе говорят вздор какой-нибудь, так вы знайте, что это жених.

Восмибратов *(Петру)*. Слышишь ты? А ты лезешь! Только отца в дураки ставишь. Погоди ж ты у меня!

Гурмыжская. Вы не подумайте, что я гнушаюсь вами. Для нее твой сын партия даже завидная. Если у ней теперь жених дворянин, так это по особенной милости, а она совсем его не стоит.

Восмибратов. Понимаем-с.

Гурмыжская. Это дело решоное, и кончим разговор о нем. Поговорим о лесе. Купи, Иван Петрович!

Восмибратов. Не при деньгах, не при деньгах-с.

Гурмыжская. Быть не может.

Восмибратов. Обижать ценой не будете, так можно-с.

Гурмыжская. А сколько бы ты дал за него?

Восмибратов *(подумав)*. Рубликов пятьсот-с вам довольно будет?

Гурмыжская. Что ты, что ты? За тот полторы, а за этот пятьсот; ведь, этот больше и лучше.

Восмибратов. Точно-с. Извините! Это я так маханально,[6] не подумавши; да и не охота с этим делом вязаться теперь. А как ваша цена?

Гурмыжская. Да, по крайней мере, две тысячи. Мне эту цену давали.

Восмибратов. Мой совет: отдавайте.

Гурмыжская. Да я не хотела тебя обидеть.

Восмибратов. На этом оченно вами благодарны; только я вам вот что скажу; хлопот не стоит.

Гурмыжская. Иван Петрович, стыдно! я сирота. Мое дело темное. Сироту обидеть грешно. Ты не забывай бога-то!

Восмибратов. Нам ежели бога забыть, творца нашего милосердного, нам в те поры, сударыня, податься некуда. Потому самому нам без бога нельзя; как одно, значит, у нас прибежище.

Гурмыжская. Ну, то-то же. Ты сам подумай, ведь, мне деньги-то на доброе дело. Девушка на возрасте, ума большого не имеет, хочется заживо пристроить. Ну, что хорошего, без присмотру останется без меня; нынче народ знаешь какой! Ты сам отец, так рассудить можешь, у тебя тоже дочь, приятно ли тебе будет...

Восмибратов. Да ежели она, шельма...

Гурмыжская. Иван Петрович, что за слова! Ты знаешь, я не люблю. Ну, слушай! Только для тебя пятьсот рублей уступаю, отдаю за полторы тысячи.

Восмибратов. Барыша ничего не будет.

Гурмыжская. Ну, уж и говорить не хочу. А тебе стыдно, стыдно.

Восмибратов. Дорогонько, да уж извольте-с. *(Махнув рукой.)* Так уж что прежде от вас пользовался.

Гурмыжская. Только мне деньги завтра же нужны.

Восмибратов. Еще почивать будете, принесем. А вы извольте приготовить записочку, чтобы завтра вам не беспокоиться, что за проданный на сруб лес в таких-то пустошах деньги сполна получили.

Гурмыжская. Значит, ты принесешь ровно три тысячи?

Восмибратов. Что следовает, то и принесем-с. На прежние деньги у вас записочка есть;

а на эти, ваша воля, а по мне хоть и отказаться. Слову нашему вы не верите, на всякую малость записки, да расписки отбираете; так что ж вам сумневаться? Я человек неграмотный, другой раз и сам не знаю, что в записке-то написано. Парнишку-то замучил, все за собой вожу руки прикладывать. Прощенья просим.

Гурмыжская. Прощайте! *(Восмибратов и Петр уходят. Входит Карп.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Гурмыжская, Карп, потом Аксюша и Улита.

Карп. Сударыня, вы барышню спрашивать изволили, так они дожидаются.

Гурмыжская. Позови! *(Карп уходит).* Хитрая и дерзкая девчонка! Никогда в ней ни благодарности, ни готовности угодить. Наказанье мне с ней. *(Входит Аксюша.)*

Аксюша *(потупя глаза, тихо).* Что вам угодно?

Гурмыжская. Ты, я думаю, знаешь, зачем я выписала сюда Алексея Сергеича.

Аксюша. Знаю.

Гурмыжская. Ты, пожалуйста, не возмечтай слишком много о себе! Это еще только предположение. Ты можешь расчувствоваться и потом ошибиться *(со смехом),* мне тебя будет жаль.

Аксюша. Отчего же мне расчувствоваться?

Гурмыжская. Ах, боже мой! Для тебя ли это не партия? Она еще спрашивает. Но я погляжу прежде, будешь ли ты стоить. Я и сама всем говорю, что он твой жених, и другие пусть говорят; но я еще подумаю, слышишь ты, подумаю. *(Входит Улита.)*

Аксюша. Надо будет и меня спросить.

Гурмыжская. Я знаю, когда тебя спросить; не учи меня. А теперь я хочу, чтоб все считали его твоим женихом, мне так нужно. Но сохрани тебя бог кокетничать с ним, или позволить себе какую-нибудь вольность!

Аксюша. Какую вольность? Что вы!

Гурмыжская. Ты не обижаться ли вздумала? Это очень мило! Ты знай, душа моя, я в праве думать о тебе все, что хочу. Ты девочка с улицы. Ты с мальчиками на салазках каталась.

Аксюша. Не все я на салазках каталась, я с шести лет уж помогала матери день и ночь работать; а по праздникам, точно, каталась с мальчишками на салазках. Что ж, у меня игрушек и кукол не было. Но ведь, я уж с десяти лет живу у вас в доме и постоянно имею перед глазами пример...

Гурмыжская. Дурные наклонности укореняются с детства. Потому не сердись, моя милая, если за тобой будет самый строгий надзор *(со смехом)*. Он хоть твой и жених, да зелен виноград.

Аксюша. Жених! Кому нужен такой жених?

Гурмыжская. Ну, это выше твоего понятия.

Аксюша. И не хорош, и не умен.

Гурмыжская. Вздор! Ты глупа, а он умен, хорош, образован. Скажите, скажите. Это ты нарочно. Ты не слепая. Тебе только хочется меня раздразнить.

Аксюша. Да вам-то что же?

Гурмыжская. Как что? Это мой выбор, мой вкус. Не тебе чета, светские дамы им увлекались.

Аксюша. Чести им не делает.

Гурмыжская. Ах, ах! Она рассуждает! И почем ты знаешь, что честь, что бесчестье?

Аксюша. Я девочка с улицы, не светская дама, а не польщусь на такое сокровище.

Гурмыжская. А я тебе приказываю.

Аксюша. Я ведь, не пойду за него; так к чему же эта комедия?

Гурмыжская. Комедия! Как ты смеешь? Да хоть бы и комедия: я тебя кормлю и одеваю, и заставлю играть комедию. Ты не имеешь права входить в мои намерения: мне так нужно, и все тут. Он жених, ты невеста, — только ты будешь сидеть в своей комнате под надзором. Вот моя воля!

Аксюша *(взглянув ей в глаза)*. Больше ничего?

Гурмыжская. Ничего, ступайте! *(Аксюша уходит.)* Нет, погоди! Были и получше тебя, да плясали по моей дудочке.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Гурмыжская и Улита.

Гурмыжская. Поди сюда!

Улита. Что, матушка-барыня, угодно?

Гурмыжская. Подойди поближе, садись, где стоишь и слушай!

Улита *(подходит и садится на пол)*. Слушаю, матушка-барыня.

Гурмыжская. Ты меня знаешь? Ты знаешь, как строго я смотрю за всем домом?

Улита. Знаю. Как мне не знать?

Гурмыжская. Я Аксюше не верю, она девчонка хитрая. Она часто встречается с Алексеем Сергеичем; мне не хотелось бы, чтоб она с ним обращалась вольно. При мне, разумеется, она не смеет; но, ведь, не всегда же я с ними: они могут встретиться и в саду, в комнатах без меня. Так я прошу, даже приказываю тебе. ..

Улита. Понимаю, матушка-барыня, понимаю. Пожалуйте ручку! *(Целует руку Гурмыжской.)* Уж как я вас понимаю, так это только одно удивление.

Давно уж я за ними как тень слоняюсь, шагу без меня не ступят; где они, тут и я.

Гурмыжская *(подумав)*. За то я тебя и люблю, что ты догадлива.

Улита *(с жаром)*. Догадлива, матушка-барыня, догадлива. Вчера платьишко все в тлен изорвала, по кустам ползала, что они промежду себя говорят.

Гурмыжская. Изорвала платье? Беда не велика, ты и вперед платья не жалей, у меня много: я тебе, за твое худое, хорошее подарю.

Улита *(таинственно)*. Вот и здесь давеча сошлись.

Гурмыжская. Что же давеча?

Улита. Да все этот дурак Карп мешал; а все-таки кой-что заметить было можно.

Гурмыжская. Что же ты заметила?

Улита. Она-то к нему очень ласкова; а он как-будто так... *(делает жест рукой)* выражал, что я, дескать, не желаю.

Гурмыжская. Да?.. Не ошиблась ли ты? *(Смотрит ей в глаза.)*

Улита. И, как-будто, так же... *(делает жест рукой)*.

Гурмыжская. Ну!

Улита. И, как-будто... так можно заметить, что ему не совсем-то... чтоб уж очень...

Гурмыжская. Врешь ты, мне кажется.

Улита. Нет уж, матушка-барыня, у меня глаз на это очень замечателен... И как-будто у него на уме что-то другое...

Гурмыжская. Ну, уж, что у него на уме, этого ты знать не можешь. Далеко ты, кажется, заехала.

Улита. Да уж усердие-то мое...

Гурмыжская. Уж как не велико твое усердие, а в чужом уме ты не была, значит, и болтать по пустякам нечего. *(Молчание.)* Улита, мы с тобой одних лет...

Улита. Матушка-барыня, я постарше буду.

Гурмыжская. Мне этого не надо, ты напрасно... И я знаю, и ты знаешь, что мы ровесницы.

Улита. Право, матушка-барыня, мне все кажется... Да что нам считать: обе мы сироты, вдовы безутешные...

Гурмыжская. Ну, ты не очень безутешная. Помнишь, что у нас с тобой было? Уж я и кротостью, и строгостью, ничто не помогало.

Улита. Да, было-то, матушка, точно было; да уж давно прошло. А вот последние лет шесть, как вы сами-то в такой тишине...

Гурмыжская. Да, я не замечаю...

Улита. Вот разрази меня!

Гурмыжская. Послушай, Улита! Скажи мне, только говори откровенно... когда случается тебе видеть красивого молодого человека... не чувствуешь ли ты чего, или не приходит ли тебе в голову, что вот приятно полюбить...

Улита. Что вы это! Старухе-то? Забыла, матушка-барыня, все забыла.

Гурмыжская. Ну, какая еще ты старуха! Нет, ты говори!

Улита. Уж коли приказываете...

Гурмыжская. Да, приказываю.

Улита. Разве, когда мечта... *(нежно)* так иногда найдет в роде как облако.

Гурмыжская *(в задумчивости)*. Поди прочь, мерзкая! *(Улита встает, отходит к стороне и искоса посматривает. Гурмыжская встает и подходит к окну.)* А, ведь он мальчик недурен! Он на меня сразу произвел приятное впечатление. Ах, как я

еще душой молода! Мне кажется, я до семидесяти лет способна буду влюбляться... И если б не мое благоразумие... Он меня не видит... *(Делает ручкой.)* Ах, красавчик! ... Да, твердые правила в жизни много значат. *(Оборачивается и видит Улиту.)* А ты здесь еще? Ну, пойдем; я тебе, вместо одного платья, два подарю. *(Уходят.)*

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Аксюша.
Петр.
Теренька, мальчик Восмибратова
Геннадий Несчастливцев. } пешие путешественники.
Аркадий Счастливцев. }

Лес, две широкие дороги идут с противоположных сторон из глубины сцены и сходятся близ авансцены под углом. На углу крашеный столб, на котором, по направлению дорог прибиты две доски с надписями: на правой: «В город Калинов», на левой: «В усадьбу Пеньки, помещицы, г-жи Гурмыжской». У столба широкий, низенький пень, за столбом, в треугольнике между дорогами, по вырубке мелкий кустарник, не выше человеческого роста. Вечерняя заря.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Аксюша *выходит из лесу с левой стороны и садится на пень.* Петр *выходит из лесу с правой стороны* и потом мальчик.

Петр *(громко)*. Теренька! *(Из лесу выходит мальчик.)* Влезь на дерево там, с краю и, значит, смотри по дороге в оба... Да ты не засни, а то кто-нибудь застрелит за место тетерева. Слышишь?

Мальчик *(робко)*. Слышу.

Петр. Как, значит, тятенька, ты в те поры так и катись с дерева турманом, и прямо сюда. *(Поворачивает его и дает ему легкий подзатыльник.)* Ну, пошел *(мальчик отходит)*. Да, пожалуйста, братец, поразвязней! *(Мальчик уходит в лес.)*

Аксюша *(подходя к Петру)*. Здравствуй, Петя!

Петр *(целуя ее)*. Здравствуй; какие дела?

Аксюша. Все те же, немножко хуже.

Петр. А мы так наслышаны, что много лучше.

Аксюша. Что ты сочиняешь!

Петр. За благородного выходите? Оно лучше-с; может, еще на разные языки знает; и то уж много превосходнее, что пальты коротенькие носит, не то, что мы.

Аксюша *(зажимая ему рот)*. Да полно ты, полно! Ведь, знаешь, что этому не бывать, что ж прибираешь-то?

Петр. Как же, значит, не бывать, когда тетенька сами давеча...

Аксюша. Не бойся, не бойся!

Петр. Так уж ты прямо и говори, чья ты? Своя ты, или чужая?

Аксюша. Своя, милый мой, своя. Да, кажется, меня и неволить не будут. Тут что-то другое.

Петр. Отвод?

Аксюша. Похоже.

Петр. А уж я давеча натерпелся. Тятенька-таки о тебе словечко закинул, а она ему напрямки: «просватана». Так веришь ты, пока они разговаривали, меня точно кипятком шпарили. А потом тятенька два часа битых ругал; отдохнет, да опять примется. Ты, говорит, меня перед барыней дураком поставил.

Аксюша. Она бы рада меня с рук сбыть, да денег жаль: что ж, отец-то твой все еще приданого ищет?

Петр. Меньше трех тысяч не мирится. «Ежели, говорит, за тебя трех тысяч не взять, не стоило, говорит, тебя и кормить. Хоть на козе, говорит, женю, да с деньгами».

Аксюша. Делать нечего, трех тысяч мне взять негде. У меня-то спрашивал ты, чья я; ты-то чей? Свой ли?

Петр. Я-то чужой, про меня что говорить! Я каторжный, по рукам, по ногам скованный навеки нерушимо.

Аксюша. Что ты такой грустный, неласковый?

Петр. Да чему радоваться-то? Я и то уж по лесу-то хожу, да все на деревья посматриваю, который сук покрепче. Самой-то, чай, тоже не веселей моего.

Аксюша. Мне ни скучно, ни весело, я уж замерла давно. А ты забудь свое горе на время-то, пока я с тобой!

Петр. Так-то так, да все радости-то мало.

Аксюша. Ах, ты глупый! Как же тебе не радость, какая девушка тебя любит.

Петр. Да что ж меня не любить-то? Я не мордва некрещеная. Да что вам делать-то больше, как не любить? Ваша такая обязанность.

Аксюша *(сердито)*. Поди ты прочь, коли так.

Петр. Нечего сердиться-то! У меня теперь засад в голове, — третий день думаю, да мозги что-то плохо поворачиваются; и так кину, и этак...

Аксюша *(все еще с сердцем)*. Об чем это ты думаешь? Ты бы обо мне-то подумал; нужно, ведь, подумать-то.

Петр. О тебе-то и думаю. У меня на-двое; вот одно дело: приставать к тятеньке. Ныньче он, примерно, поругает, а я завтра опять за то же. Ну, завтра, будем так говорить, хоть и прибьет, а я

после-завтра опять за то же; так, покудова ему не надоест ругаться. Да чтоб уж к ряду, ни одного дня не пропускать. Либо он убьет меня поленом, либо сделает по-моему: по крайности развязка.

Аксюша *(подумав)*. А другое-то что?

Петр. А другое дело почудней будет. У меня есть своих денег рублев триста; да ежели закинуть горсть на счастье в тятенькину конторку, так, пожалуй, что денег-то и вволю будет.

Аксюша. А потом что ж?

Петр. А потом уж «унеси ты мое горе» — сейчас мы с тобой на троечку; «ой вы, милые!» Подъехали к Волге; ссь... тпру! на пароход; вниз-то бежит он ходко, по берегу-то не догонишь. Денек в Казани, другой в Самаре, третий в Саратове; жить, чего душа просит; дорогого чтоб для нас не было.

Аксюша. А знакомых встретишь?

Петр. А вот взял сейчас один глаз зажмурил, вот тебе и кривой; и не узнают. Я так тебе дня три прохожу. А то еще раз какой со мной случай, я тебе скажу. Посылал меня тятенька в Нижний за делом, да чтоб не мешкать. А в Нижнем-то нашлись приятели, заманили в Лысково съездить. Как быть? Узнают дома — беда. Вот я чужую чуйку надел, щеку подвязал, еду. На пароходе как раз тятенькин знакомый; я, знаешь, от него не прячусь, хожу смело, он все поглядывает. Вот вижу, подходит. «Вы, говорит, откуда едете?» Из Мышкина, говорю. А я там сроду и не бывал. «Что-то, говорит, лицо ваше знакомо». — Мудреного нет, говорю; а сам, знаешь, мимо. Подходит он ко мне в другой раз все с тем же, подходит в третий, все пытает. Взяло меня за сердце. «Мне самому, говорю, лицо ваше знакомо. Не сидели ли мы с вами вместе в остроге в Казани?» Да при всей публике-то. Так он не знал,

как откатиться от меня; ровно я его из штуцера[7]) застрелил. Встреча что!

Аксюша. А проживем мы деньги, что ж потом?

Петр. Вот тут-то я не думал еще. Либо ехать виниться, либо выбрать яр покруче, а место поглубже, да чтоб воду-то воронкой вертело, да и потопорному, как топоры плавают. Надо подумать еще...

Аксюша. Нет, уж ты, Петя, лучше первое-то попробуй.

Петр. Надоедать, стало-быть?

Аксюша. Да. Ну, уж там, коли.... там подумаем. Ты проберись завтра к нам в сад попозднее, у нас рано ложатся.

Петр. Ладно. *(Вбегает мальчик.)* Что?

Мальчик. Тятенька. *(Быстро убегает.)*

Петр *(проворно)*. Значит, шабаш. Бежать во все лопатки! Прощай! *(Целуются и расходятся.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

С правой стороны из глубины показывается Несчастливцев. Ему лет 35, но на лицо он гораздо старее, брюнет, с большими усами. Черты резкие, глубокие и очень подвижные, следы беспокойной и невоздержной жизни. На нем длинное и широкое парусиновое пальто, на голове серая, очень поношенная шляпа с широкими полями, сапоги русские, большие, в руках толстая, суковатая палка, за спиной небольшой чемодан, в роде ранца, на ремнях. Он видимо утомлен, часто останавливается, вздыхает и бросает мрачные взгляды исподлобья. В то же время с другой стороны показывается Счастливцев; ему лет за 40, лицо как-будто нарумяненное, волоса на голове в роде вытертого меха, усы и эспаньолка тонкие, жидкие, рыжевато-пепельного цвета, глаза быстрые, выражающие и насмешливость, и робость водно и то же время. На нем голубой галстук, коротенький пиджак, коротенькие панталоны в обтяжку, цветные полусапожки, на голове детский картузик — все очень поношен-

ное, на плече, на палке, повешено самое легкое люстриновое пальто и узел в цветном платке. Утомлен, переводит дух тяжело и смотрит кругом с улыбкой, не то печальной, не то веселой.

(Сходятся.)

Несчастливцев *(мрачно)*. Аркашка!

Счастливцев. Я, Геннадий Демьяныч. Как есть весь тут.

Несчастливцев. Куда и откуда?

Счастливцев. Из Вологды в Керчь-с, Геннадий Демьяныч. А вы-с?

Несчастливцев. Из Керчи в Вологду. Ты пешком?

Счастливцев. На своих-с, Геннадий Демьяныч. *(Полузаискивающим, полунасмешливым тоном.)* А вы-с, Геннадий Демьяныч?

Несчастливцев *(густым басом)*. В карете. *(Горячо.)* Разве ты не видишь? Что спрашиваешь? Осел!

Счастливцев *(робко)*. Нет, я так-с...

Несчастливцев. Сядем, Аркадий!

Счастливцев. Да на чем же-с?

Несчастливцев *(указывая на пень)*. Я здесь, а ты где хочешь. *(Садится, снимает чемодан и кладет подле себя.)*

Счастливцев. Что это у вас за ранец-с?

Несчастливцев. Штука отличная. Сам, братец, сшил для дороги. Легко и укладисто.

Счастливцев *(садится на землю подле пня)*. Хорошо, кому есть что класть. Что же у вас там-с?

Несчастливцев. Пара платья, братец, хорошего, в Полтаве еврей сшил. Тогда я в Ильинскую, после бенефиса, много платья сделал. Складная шляпа, братец, два парика, пистолет тут у меня хороший, у черкеса в карты выиграл в Пятигорске.

Замок попорчен; как-нибудь, когда в Туле буду, починить прикажу. Жаль, фрака нет; был фрак, да я его в Кишиневе на костюм Гамлета выменял.

Счастливцев. Да на что же вам фрак-с?

Несчастливцев. Как ты еще глуп, Аркашка, как погляжу я на тебя! Ну, приду я теперь в Кострому, в Ярославль, в Вологду, в Тверь, поступлю в труппу, должен я к губернатору явиться, к полицеймейстеру, по городу визиты сделать? Комики визитов не делают, потому что они шуты, а трагики — люди, братец. А у тебя что в узле?

Счастливцев. Библиотека-с.

Несчастливцев. Большая?

Счастливцев. Пиес тридцать и с нотами.

Несчастливцев *(басом)*. Драмы есть?

Счастливцев. Только две-с, а то все водевили.[8])

Несчастливцев. Зачем ты такую дрянь носишь?

Счастливцев. Денег стоит-с. Бутафорские[9]) мелкие вещи есть, ордена...

Несчастливцев. И все это ты стяжал?..

Счастливцев. И за грех не считаю, жалованье задерживают.

Несчастливцев. А платье у тебя где ж?

Счастливцев. Вот, что на мне-с, а то уж давно никакого нет-с.

Несчастливцев. Ну, а как же ты зимой?

Счастливцев. Я, Геннадий Демьяныч, обдержался-с. В дальнюю дорогу точно трудно-с; так, ведь, кто на что, а голь на выдумки. Везли меня в Архангельск, так в большой ковер закатывали. Привезут на станцию, раскатают, а в повозку садиться, опять закатают.

Несчастливцев. Тепло?

Счастливцев. Ничего, доехал-с; а много больше тридцати градусов было. Зимняя дорога-то Двиной, между берегов-то тяга; ветер-то с севера, встречу. Так вы в Вологду-с? Там теперь и труппы нет.

Несчастливцев. А ты в Керчь? И в Керчи тоже, брат, труппы нет.

Счастливцев. Что ж делать-то-с, Геннадий Демьяныч, пройду в Ставрополь или в Тифлис, там уж неподалеку-с.

Несчастливцев. Мы с тобой в последний раз в Кременчуге виделись?

Счастливцев. В Кременчуге-с.

Несчастливцев. Ты тогда любовников играл; что же ты, братец, после делал?

Счастливцев. После я в комики перешел-с. Да уж очень много их развелось; образованные одолели: из чиновников, из офицеров, из университетов — все на сцену лезут. Житья нет. Из комиков-то я в суфлеры-с. Каково это для человека с возвышенною душой-то, Геннадий Демьяныч? В суфлеры! ..

Несчастливцев *(со вздохом)*. Все там будем, брат Аркадий.

Счастливцев. Одна была у нас дорожка, Геннадий Демьяныч, и ту перебивают.

Несчастливцев. От того, что просто; паясничать-то хитрость невелика. А попробуй-ка в трагики! Вот и нет никого.

Счастливцев. А, ведь, игры хорошей у образованных нет, Геннадий Демьяныч.

Несчастливцев. Нет. Какая игра! Мякина!

Счастливцев. Канитель.

Несчастливцев. Канитель, братец. А как пьесы ставят, хоть бы и в столицах-то. Я сам видел: любовник тенор, резонер[10]) тенор и комик тенор;

(басом) основания-то в пьесе и нет. И смотреть не стал, ушел. Ты зачем это эспаньолку завел?

Счастливцев. А что же-с?

Несчастливцев. Скверно. Русский ты человек, али нет? Что за гадость? Терпеть не могу. Обрей совсем, или уж бороду отпусти.

Счастливцев. Я пробовал бороду-с, да не выходит.

Несчастливцев. Как так? Что ты врешь?

Счастливцев. Да вместо волос-то перья ростут, Геннадий Демьяныч.

Несчастливцев. Гм! Перья! Рассказывай еще! Говорю тебе, обрей. А то попадешь мне под сердитую руку... с своей эспаньолкой... смотри!

Счастливцев *(робко)*. Обрею-с.

Несчастливцев. А я, брат Аркаша, там, на юге, расстроился совсем.

Счастливцев. Отчего же так-с, Геннадий Демьяныч?

Несчастливцев. Характер, братец. Знаешь ты меня: лев, ведь, я. Подлости не люблю, вот мое несчастие. Со всеми антрепренерами перессорился. Неуважение, братец, интриги; искусства не ценят, все копеечники. Хочу у вас, на севере, счастья попробовать.

Счастливцев. Да, ведь, и у нас то же самое, и у нас не уживетесь, Геннадий Демьяныч. Я вот тоже не ужился.

Несчастливцев. Ты... тоже!.. Сравнял ты себя со мной.

Счастливцев *(обидясь)*. Еще у меня характер-то лучше вашего, я смирнее.

Несчастливцев *(грозно)*. Что-о?

Счастливцев *(отодвигаясь)*. Да как же, Геннадий Демьяныч-с? Я смирный, смирный-с... я никого не бил.

Несчастливцев. Так тебя били, кому только не лень было. Ха, ха, ха! И всегда так бывает: есть люди, которые бьют, и есть люди, которых бьют. Что лучше — не знаю; у всякого свой вкус. И смеешь ты...

Счастливцев *(отодвигаясь)*. Ничего я не смею, а вы сами сказали, что не ужились.

Несчастливцев. Не ужились?.. А тебя из какого это города губернатор-то выгнал? Ну, сказывай!

Счастливцев. Что сказывать-то? Мало ли что болтают. Выгнал... А за что выгнал, как выгнал?

Несчастливцев. Как выгнал? И то слышал, и то известно, братец. Три раза тебя выбивали из города; в одну заставу выгонят, ты войдешь в другую. Наконец, уж губернатор вышел из терпения: стреляйте его, говорит, в мою голову, если он еще воротится.

Счастливцев. Уж и стрелять! Разве стрелять можно?

Несчастливцев. Стрелять не стреляли, а четыре версты казаки нагайками гнали.

Счастливцев. Совсем и не четыре.

Несчастливцев. Ну, будет, Аркадий! Не раздражай ты меня, братец! *(Повелительно.)* Подвигайся! *(Встает.)*

Счастливцев. Подвигаюсь, Геннадий Демьяныч. *(Встает.)*

Несчастливцев. Да, брат, Аркадий, разбился я с театром; а уж и жаль теперь. Как я играл! Боже мой, как я играл!

Счастливцев *(робко)*. Очень хорошо-с?

Несчастливцев. Да так-то хорошо, что.. Да что с тобой толковать! Что ты понимаешь! В последний раз в Лебедяни играл я Велизария,

сам Николай Хрисанфыч Рыбаков смотрел. Кончил я последнюю сцену, выхожу за кулисы, Николай Рыбаков тут. Положил он мне так руку на плечо *(с силою отпускает руку на плечо Счастливцеву).*

Счастливцев *(приседая от удара).* Ой! Геннадий Демьяныч, батюшка, помилосердуйте. Не убивайте! Ей-богу, боюсь.

Несчастливцев. Ничего, ничего, брат; я легонько, только примерно *(опять кладет руку).*

Счастливцев. Ей-богу, боюсь! Пустите! Меня, ведь, уж раз так-то убили совсем до смерти.

Несчастливцев *(берет его за ворот и держит).* Кто? Как?

Счастливцев *(жмется).* Бичевкин. Он Ляпунова играл, а я Фидлера-с. Еще на репетиции он все примеривался. «Я, говорит, Аркаша, тебя вот как в окно выкину: этой рукой за ворот подниму, а этой поддержу, так и высажу. Так, говорит, Каратыгин делал». Уж я его молил, молил, и на коленях стоял. «Дяденька, говорю, не убейте меня!». «Не бойся, говорит, Аркаша, не бойся!» Пришел спектакль, подходит наша сцена; публика его принимает; гляжу, губы у него трясутся, щеки трясутся, глаза налились кровью. «Постелите, говорит, этому дураку под окном что-нибудь, чтоб я, в самом деле, его не убил». Ну, вижу, конец мой приходит. Как я пробормотал сцену — уж не помню; подходит он ко мне, лица человеческого нет, зверь-зверем; взял меня левою рукой за ворот, поднял на воздух; а правой как размахнется, да кулаком меня по затылку как хватит... Света я не взвидел, Геннадий Демьяныч, сажени три от окна-то летел, в женскую уборную дверь прошиб. Хорошо трагикам-то! Его тридцать раз за эту сцену вызвали; публика чуть театр не разломала, а я на всю жизнь калекой мог быть, не-

много бог помиловал... Пустите, Геннадий Демьяныч!

Несчастливцев *(держит его за ворот).* Эффектно! Надо это запомнить *(подумав).* Постой-ка! Как ты говоришь? Я попробую.

Счастливцев *(падая на колени).* Батюшка, Геннадий Демьяныч!..

Несчастливцев *(выпускает его).* Ну, не надо, убирайся! В другой раз... Так вот положил он мне руку на плечо. «Ты, говорит... да я, говорит... умрем, говорит»... *(Закрывает лицо и плачет. Отирая слезы.)* Лестно. *(Совершенно равнодушно.)* У тебя табак есть?

Счастливцев. Какой табак, помилуйте! Крошки нет.

Несчастливцев. Как же ты в дорогу идешь, а табаком не запасся? Глуп.

Счастливцев. Да, ведь, и у вас нет?

Несчастливцев. «У вас нет». Смеешь ты мне это говорить? У меня такой был, какого ты и не видывал, одесский, первый сорт от Криона, да теперь вышел.

Счастливцев. И у меня тоже вышел-с.

Несчастливцев. А денег с тобой много?

Счастливцев. У меня и с роду много-то че было, а теперь копейки за душой нет.

Несчастливцев. Как же в дорогу без денег-то? Без табаку и без денег. Чудак!

Счастливцев. Лучше, не ограбят-с. Да разве не все равно без денег-то, что на месте сидеть, что по дороге итти?

Несчастливцев. Ну, до Воронежа, положим, ты с богомольцами дойдешь, Христовым именем пропитаешься; а дальше-то как? Землей Войска Донского? Там, не то что даром, а и за деньги не накормят табачника. Облика христианского на тебе нет,

а ты хочешь по станицам итти: ведь, казачки-то тебя за беса сочтут — детей стращать станут.

Счастливцев. Уж вы не хотите ли мне взаймы дать, Геннадий Демьяныч? Надо правду сказать, душа-то ныньче только у трагиков и осталась. Вот покойный Корнелий, бывало, никогда товарищу не откажет, последними поделится. Всем бы трагикам с него пример брать.

Несчастливцев. Ну, ты этого мне не смей говорить! У меня тоже душа широкая; только денег я тебе не дам, самому, пожалуй, нехватит. А пожалеть тебя, брат Аркаша, я пожалею. У тебя нет по близости родных или знакомых?

Счастливцев. Нет; да, ведь, если б и были, так они денег не дадут.

Несчастливцев. Не об деньгах речь! А хорошо бы отдохнуть с дороги, пирогов домашних, знаешь, наливочки попробовать. Как же это, братец ты мой, у тебя ни родных, ни знакомых нет? Что же ты за человек?

Счастливцев. Да, ведь, и у вас тоже нет.

Несчастливцев. У меня-то есть, да я было хотел мимо пройти, горд я очень. Да уж, видно, завернуть.

Счастливцев. Ведь, и у родных-то тоже невелика радость нам, Геннадий Демьяныч. Мы народ вольный, гулящий — нам трактир дороже всего. Я у родных-то пожил, знаю. У меня есть дяденька, лавочник в уездном городе, верст за 500 отсюда, погостил я у него, да кабы не бежал, так...

Несчастливцев. Что же?

Счастливцев. Нехорошо-с. Да вот я вам расскажу-с. Шлялся я без дела месяца три, надоело, дай, думаю, дяденьку навещу. Ну, и пришел-с. Долго меня в дом не пущали, все разные лица на крыльцо выглядывали. Наконец, выходит сам. «Ты, говорит,

зачем?» «Навестить, говорю, вас, дяденька». «Значит, ты свои художества бросил?» «Бросил, говорю». «Ну, что ж, говорит, вот тебе каморка, поживи у меня, только прежде в баню сходи». Стал я у них жить. Встают в четыре часа, обедают в десять, спать ложатся в восьмом часу; за обедом и за ужином водки пей, сколько хочешь, после обеда спать. И все в доме молчат, Геннадий Демьяныч, точно вымерли. Дядя с утра уйдет в лавку, а тетка весь день чай пьет и вздыхает. Взглянет на меня, ахнет и промолвит: «бессчастный ты человек, душе своей ты погубитель!» Только у нас и разговору. «Не пора ли тебе, душе своей погубитель, ужинать; да шел бы ты спать».

Несчастливцев. Чего ж тебе лучше?

Счастливцев. Оно точно-с, я было поправился и толстеть уже стал, да вдруг как-то за обедом приходит в голову мысль: не удавиться ли мне? Я, знаете ли, тряхнул головой, чтоб она вышла, погодя немного опять эта мысль, вечером опять. Нет, вижу, дело плохо, да ночью и бежал из окошка. Вот каково нашему брату у родных-то.

Несчастливцев. Я бы и сам, братец, не пошел, да, признаться тебе сказать, устал, а еще до Рыбинска с неделю пропутешествуешь, да и дело-то найдешь ли, неизвестно. Вот, если бы нам найти актрису драматическую, молодую, хорошую...

Счастливцев. Тогда бы уж и хлопотать нечего-с, мы бы сами-с... остальных подобрать легко. Мы бы такую труппу составили... я кассиром...

Несчастливцев. За малым дело стало, актрисы нет.

Счастливцев. Да их теперь и нигде нет-с.

Несчастливцев. Да понимаешь ли ты, что такое драматическая актриса? Знаешь ли ты, Аркашка, какую актрису мне нужно? Душа мне, братец, нужна, жизнь, огонь.

Счастливцев. Ну, уж огня-то, Геннадий Демьяныч, днем с огнем не найдешь.

Несчастливцев. Ты у меня не смей острить, когда я серьезно разговариваю. У вас, водевильных актеров, только смех на уме, а чувства ни на грош. Бросится женщина в омут головой от любви — вот актриса. Да чтоб я сам видел, а то не поверю. Вытащу из омута, тогда поверю. Ну, видно, итти.

Счастливцев. Куда-с?

Несчастливцев. Не твое дело. Пятнадцать лет, братец, не был; а, ведь, я чуть не родился здесь. Детские лета, невинные игры, голубятни, знаешь ли; все это в памяти. *(Опускает голову.)* Что ж, отчего ей не принять меня? Она уж старушка; ей, по самому дамскому счету, давно за пятьдесят лет. Я ее не забывал, посылал, братец, ей часто подарки. Из Карасубазара послал ей туфли татарские, мороженую нельму из Иркутска, бирюзы — из Тифлиса, кирпичного чаю, братец, из Ирбита, балык — из Новочеркасска, малахитовые четки — из Екатеринбурга, да всего и не упомнишь. Конечно, лучше бы нам с тобой подъехать к крыльцу в карете; дворня навстречу... а теперь пешком, в рубище. *(Утирает слезы.)* Горд я, Аркадий, горд. *(Надевает чемодан.)* Пойдем, и тебе угол будет.

Счастливцев. Куда же, Геннадий Демьяныч?

Несчастливцев. Куда? *(Указывает на столб.)* Читай!

Счастливцев *(читает)*. В усадьбу «Пеньки», помещицы г-жи Гурмыжской.

Несчастливцев. Туда ведет меня мой жалкий жребий. Руку, товарищ. *(Медленно уходят.)*

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Гурмыжская.
Буланов.
Несчастливцев.
Счастливцев.
Восмибратов.
Петр.
Карп.

Старый, густой сад; налево от зрителей невысокая терраса барского дома, уставленная цветами; с террасы сход в три или четыре ступени.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Гурмыжская *на террасе,* Буланов *в саду.*

Буланов *(увидав Гурмыжскую, помогает ей сойти с террасы и целует ее руку).* С добрым утром, Раиса Павловна!

Гурмыжская. Здравствуй, мой друг!

Буланов *(с участием).* Как ваше здоровье-с?

Гурмыжская. Благодарю тебя, мой милый. Я здорова, и как-то особенно свежо чувствую себя сегодня, несмотря на то, что плохо ночь спала. Какое-то волнение, и такие все неприятные сны видела. Ты снам веришь?

Буланов. Как же не верить-с? Может-быть, если б я поучился побольше, я б и не верил-с. *(Злобно улыбаясь.)* А, ведь, я не доучился-с, я и растрепанный не хожу, и умываюсь каждый день, и снам верю-с.

Гурмыжская. Бывают сны, которых целый день не выживешь из головы.

Буланов. Что же вы, Раиса Павловна, изволили видеть?

Гурмыжская. Ну, положим, что я тебе всего не скажу.

Буланов. Извините!

Гурмыжская. И вины никакой нет. Другой сон я тебе скажу, а этот нет.

Буланов. Отчего же-с?

Гурмыжская. Оттого, что рассказывать сны иногда точно то же, что рассказывать свои тайные мысли, или желания; а это не всегда удобно: я — женщина, ты — мужчина.

Буланов. Так что ж, что мужчина-с?

Гурмыжская. Уж это такая невинность, что из рук вон. Ну, я тебя видела.

Буланов. Меня? Это мне очень приятно-с.

Гурмыжская. Будто?

Буланов. Значит, вы обо мне думали-с, как почивать ложились.

Гурмыжская. Скажите, пожалуйста! И ты этим очень доволен?

Буланов. Да как же не доволен-с? Я все боюсь, что вы на меня рассердитесь за что-нибудь и прогоните к маменьке.

Гурмыжская. Ах, как это смешно! Да за что же мне рассердиться на тебя? Бедный, ты меня боишься?

Буланов. Как же не бояться: говорят, вы очень строги.

Гурмыжская. Это хорошо, что так говорят. Но с тобой, мой друг, я строга не буду: хуже всего для тебя, если ты меня будешь бояться.

Буланов. Хорошо-с.. Вот, еслиб я знал...

Гурмыжская. Что?

Буланов. Как угодить вам.

Гурмыжская. Догадайся.

Буланов. Догадаться-то разве легко-с? Да у меня на это и ума нет.

Гурмыжская. На что же у тебя ум?

Буланов. На все, что прикажут; вот еще имением управлять, мужиками-с. Если б были крепостные, вам бы лучше меня управляющего не найти; нужды нет, что я молод.

Гурмыжская. Ах, этот сон! Нейдет из головы, да и только.

Буланов. Чем же он вас так беспокоит?

Гурмыжская. Довольно трудно объяснить; но с тобой я могу говорить откровенно; я вижу, что ты мне предан. Вот видишь: у меня есть племянник.

Буланов. Я знаю-с. Вы его очень любите и часто говорите про него.

Гурмыжская. Мой друг, иногда говорят одно, а думают совсем другое. Зачем я всякому стану объяснять свои чувства! Я по родству должна любить его, ну, я и говорю, что люблю.

Буланов. А в самом-то деле не любите?

Гурмыжская. Не то, что не люблю, а... как тебе сказать... он теперь лишний. Я так покойна, я уж задумала, как мне распорядиться своим состоянием, и вдруг он явится. Как ему отказать! Надо будет и ему дать какую-нибудь часть, и я должна буду отнять у того, кого люблю...

Буланов. Так вы не отдавайте-с.

Гурмыжская. Да нельзя. За что ж я ему откажу, если он почтителен и ведет себя хорошо! Да

я здесь так себя поставила, что отказать родственнику не могу. Ну, а если он приедет без средств? Надо будет его содержать; пожалуй, захочет поселиться у меня. Ведь, не выгнать же его.

Буланов. Прикажите мне, я выгоню.

Гурмыжская *(с испугом)*. Ах, сохрани тебя бог! Береги себя, береги! Вот что я видела во сне: будто он приехал и убил тебя из пистолета при моих глазах.

Буланов. Меня? Ну, еще мы это посмотрим-с. Да вы, Раиса Павловна, лучше о нем не думайте, а то он все вам будет сниться.

Гурмыжская. Он очень умен был до сих пор, пятнадцать лет сюда и не заглядывал. Желала бы я, очень желала, чтоб и еще пятнадцать лет так прошло.

Буланов. Так вы, Раиса Павловна, лучше о нем забудьте совсем и не говорите, а то, чего доброго, накличите, пожалуй.

Гурмыжская. В самом деле, как бы не накликать. *(Входит Карп.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Гурмыжская, Буланов, Карп.

Карп. Пожалуйте, сударыня, чай кушать, самовар готов-с.

Гурмыжская. Пойдем, Алексис!

Карп. Сударыня, сегодня ночью барин приехали.

Гурмыжская. Барин? Какой барин?

Карп. Геннадий Демьяныч-с.

Гурмыжская *(с испугом)*. Неужели? Слышишь, Алексис? *(Карпу.)* Где же он?

Карп. Я их в беседку проводил, там и почивать им приготовил-с. Они говорили, что остано-

вились в городе в гостинице, всю поклажу там оставили, а к нам пешком из городу заместо прогулки.

Гурмыжская. Еще ничего не говорил?

Карп. Ничего-с. Они были не в духе-с.

Гурмыжская. Как не в духе?

Карп. Как, в роде, в забвении-с; надо полагать с дороги-с. Требовали бумаги и чернил; долго ходили по беседке, все думали; сели к столу, написали записку и приказали вам отдать. *(Подает записку.)*

Гурмыжская. Что такое? Стихи какие-то *(читает)*.

Судьба моя жестокая!
Жестокая, судьба моя!
Ах, теперь одна могила...

Что это, Алексис? Я не понимаю.

Буланов. Вы не понимаете, а мне-то где же-с?

Гурмыжская *(Карпу)*. Он спит?

Карп. Никак нет-с. Встали рано и ушли, должнобыть, купаться. Я их сегодня не видал-с.

Гурмыжская. Ну, когда придет, проси в гостиную чай кушать!

Карп. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Гурмыжская *(пожимая плечами)*. Вот и не верь снам. Пойдем, Алексис. *(Уходят. Выходят: Несчастливцев, одетый очень прилично, на голове черная складная шляпа, и Счастливцев в прежнем костюме.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Несчастливцев, Счастливцев.

Несчастливцев. Ну, Аркадий, тетушка моя женщина почтенная, строгая; я не хочу, братец, чтоб она знала, что я актер, да еще провинциальный. *(Грозит пальцем.)* Смотри, не проговорись; я Геннадий Демьяныч Гурмыжский, капитан в отставке или

маиор; уж как тебе угодно будет; одним словом, я барин, а ты мой лакей.

Счастливцев. Как лакей?

Несчастливцев. Так, просто, лакей, да и все тут. Нельзя ж мне тебя вести в гостиную! Как я тебя представлю тетеньке? Она женщина набожная, в доме, братец, тишина, скромность — и вдруг, представьте себе — физиономия. А лакеем быть тебе, с твоей рожей, братец, в самый раз.

Счастливцев. Нет уж, извините! Это еще неизвестно.

Несчастливцев. Что неизвестно?

Счастливцев. Насчет рожи-то.

Несчастливцев. Нет, уж ты, брат, Аркадий, не сомневайся.

Счастливцев. Да, как же!

Несчастливцев *(грозно)*. Так же, говорю я тебе! Чего тебе еще? Накормят тебя здесь хорошо, служить ты будешь только мне.

Счастливцев. Да, ведь, я горд, Геннадий Демьяныч.

Несчастливцев. Очень мне нужно, что ты горд. Не тебе чета, сам Мартынов играл лакеев, а ты стыдишься! Как ты, братец, глуп!

Счастливцев. Да, ведь, то на сцене.

Несчастливцев. Ну, и ты, братец, представь себе, что ты на сцене.

Счастливцев. Нет, я не хочу. Ишь что выдумали! Как же! Я лучше уйду, и у меня есть амбиция.[11])

Несчастливцев. Я знаю, что амбиция есть; а паспорт есть ли?

Счастливцев. Вам что за дело?

Несчастливцев. А вот что: уйди, попробуй, так увидишь. Мне, братец, только мигнуть, и пойдешь ты по этапу на место жительства, как

бродяга. Я, ведь, знаю, ты двенадцать лет без паспорта ходишь. Вместо паспорта у тебя в кармане статья Курских губернских ведомостей, где напечатано, что приехал актер такой-то и играл очень скверно. Вот и весь твой вид. Ну, что ж ты замолчал? То-то же! А ты сделай, братец, для меня! Кто тебя просит, подумай! Ну, по-товарищески, понимаешь, по-товарищески!

Счастливцев. Если по-товарищески, я пожалуй.

Несчастливцев. Ты не подумай, братец, что я гнушаюсь своим званием. А неловко, братец: дом такой — тишина, смирение. А, ведь, мы с тобой почти черти, немного лучше. Сам знаешь: скоморох попу не товарищ. Только ты насчет ссоры или драки, ну, и насчет чужого поостерегись, Аркаша! Хоть тебе и трудно будет, а постарайся, братец, вести себя, как следует порядочному лакею. Вот, во-первых, сними, братец, картуз, да отойди к стороне, кто-то идет. *(Входит Карп.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Несчастливцев, Счастливцев, Карп.

Карп. Здравствуйте, батюшка барин! Как почивать изволили?

Несчастливцев. Ничего, братец, соснул недурно.

Карп. Что это, сударь, как вы постарели.

Несчастливцев. Жизнь, братец...

Карп. Понимаю, сударь, как не понимать. Тоже, ведь, эта служба...

Несчастливцев. Да, братец, эта служба...

Карп. Опять же, сударь, и походы...

Несчастливцев *(со вздохом)*. Ох, походы, походы!

Карп. С места на место, сударь...

Несчастливцев. Да, брат, с места на место. Вы как здесь поживаете?

Карп. Какая наша жизнь, сударь! Живем в лесу, молимся пенью, да и то с ленью. Пожалуйте, сударь, пожалуйте! Тетенька вас чай кушать дожидается.

Несчастливцев *(подходя к террасе)*. Послушай, Карп, не забудь моего Аркашку, напой чайком братец!

Карп. Слушаю, сударь, будьте покойны. *(Несчастливцев уходит.)*

Счастливцев. Ах, чорт возьми, ушел, оставил с хамом. Вот уж он и с разговором лезет.

Карп. Как вас звать?

Счастливцев. Сганарель.

Карп. Вы кто же будете? Иностранец, что ли?

Счастливцев. Иностранец буду. А вас как?

Карп. Карп Савельич.

Счастливцев. Не может быть.

Карп. Верно.

Счастливцев. Да; ведь, Карп — рыба.

Карп. То карпия.

Счастливцев. Да что карпия, что карп — все равно. Уж лучше бы вас Сазаном Савельичем звали.

Карп. Ну, как можно. Хотите чаю?

Счастливцев. Нет.

Карп. Как, нет?

Счастливцев. Так, нет.

Карп. Так-таки совсем и не хотите?

Счастливцев. Совсем и не хочу.

Карп. Да почему же так?

Счастливцев. Потому же.

Карп. Это я не понимаю.

Счастливцев. Очень просто. Оно после купанья-то лучше бы...

Карп. Само собой, что лучше бы... только где взять?

Счастливцев. Потрудитесь, Окунь Савельич!

Карп. Да не окунь, Карп. Нешто у ключницы попросить?

Счастливцев. Попросите, да принесите к нам в беседку!

Карп. Да уж постараюсь для вас.

Счастливцев. Постарайтесь, Налим Савельич! *(Кланяется и уходит.)*

Карп. Ах, шут гороховый! Откуда его вывезли, из каких таких земель? Должно быть, издалека. Вот так камардин.[12]) Да и то сказать — образование; а здесь что? Одно слово лес. *(Входят Восмибратов и Петр.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Карп, Восмибратов, Петр.

Карп. Вам что?

Восмибратов. Барыню любопытно бы видеть, любезнейший.

Карп. Дожидайтесь своего термину, когда вас позовут.

Петр. Да чудак, ведь, у нас с тятенькой дела.

Карп. Нужда нам велика до ваших дел! Нельзя же, помилуйте! Куда же вы лезете!

Петр. А ты, все-таки, поди доложь, попробуй!

Карп. Как вы говорите доложить, коли заняты с полковником. Племянник ихний приехал.

Восмибратов. Полковник?

Карп. Разумеется, полковник... пятнадцать лет не видавшись.

Восмибратов. Надолго?

Карп. Зачем ему надолго? Совсем приехали.

Восмибратов *(подумав)*. Строги?

Карп. Само собой, а то как же! Об чем говорить еще! Какое звание. Возьмите себе в ум!

Восмибратов *(махнув рукой)*. Ну, пущай, их!.. А ты, все-таки, в свое время... *(Уходит, за ним Петр.)*

Карп. Учите еще! *(Выходят из дому Несчастливцев и Буланов. Карп уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Несчастливцев и Буланов.

Несчастливцев. Какова у меня сестренка, братец?

Буланов. Да-с.

Несчастливцев. Женись, братец, женись!

Буланов. Вы одобряете?

Несчастливцев. Да мне-то что за дело? Родятся люди, женятся, умирают; значит, так нужно, значит, хорошо.

Буланов. Прошу вас полюбить меня-с.

Несчастливцев. Да на что тебе моя любовь? Что в ней, братец, толку?

Буланов. Все-таки-с.

Несчастливцев. Разве наследства ждешь? Жди, братец, жди! А ты вот что: ты подыграйся к тетушке, она женщина богатая. Молод еще ты; а, впрочем, как знать, эти способности рано открываются. Умеешь?

Буланов *(стыдливо)*. Умею-с.

Несчастливцев. Браво! Где же это ты научился в такие младенческие годы?

Буланов. Чему-с?

Несчастливцев. Подыгрываться-то, братец, угождать, ползать-то?

Буланов. Нужда научит-с.

Несчастливцев. Нужда? А почем ты ее знаешь, эту нужду-то?

Буланов. Как мне не знать-с? Я в жизни очень несчастлив-с.

Несчастливцев. Вздор, не верю. Ты счастлив. Несчастлив тот, кто угождать и подличать не умеет. Чем ты несчастлив, говори!

Буланов. Во-первых, мне папенька мало наследства оставил.

Несчастливцев. А тебе сколько нужно?

Буланов. Хотя бы тысячи две, три десятин земли-с, или деньгами тысяч сорок-с.

Несчастливцев. И ты был бы счастлив? Немного же тебе, братец, надо.

Буланов. Оно точно, что немного, а можно жить порядочно-с.

Несчастливцев. Ну, подожди, братец, я тебе больше оставлю.

Буланов. Вы нарочно-с?

Несчастливцев. Ну, вот еще! Родных у меня нет, ты мне очень понравился. А еще какое несчастие у тебя?

Буланов. Ученьем несчастлив-с... я даже в гимназии не кончил-с.

Несчастливцев *(снимает шляпу и кланяется)*. Уж ты меня, братец, извини, сделай милость!

Буланов. В чем же-с?

Несчастливцев. В этом я тебе помочь никак не могу. И рад бы, да не могу.

Буланов. Да ничего, помилуйте-с! Это и не нужно-с; были бы деньги. Маменька говорит, что у меня ум не такой, не для ученья-с.

Несчастливцев. Какой же?

Буланов. Практический-с.

Несчастливцев. Ну, благодари творца, что хоть какой-нибудь есть. А то часто бывает, что и никакого нет.

Буланов. Да и это ничего-с. Было бы только земли побольше, да понимать свой интерес, помещичий; а то и без ума можно прожить-с!

Несчастливцев. Да оно и лучше, голове легче. Так ума у тебя нет? Хоть папиросы есть ли? *(Гурмыжская показывается на террасе.)*

Буланов *(смеется).* Тоже нет-с.

Несчастливцев. Чему же ты, братец, смеешься? Да ты куришь или нет?

Буланов *(тихо).* Я курю-с, и папиросы есть, только вот Раиса Павловна идут, и при них я никогда себе не позволяю. *(Гурмыжская сходит в сад.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Гурмыжская, Несчастливцев, Буланов, потом Карп.

Гурмыжская. Я бы тебя никак не узнала, так ты изменился. Благодарю, что ты меня не совсем забыл; а мы тебя вспоминали чуть не каждый день.

Несчастливцев. Могу ли я забыть вас! Вы не знаете моего сердца. Я помнил вас, помню и буду помнить.

Гурмыжская. Знаю, мой друг, и благодарю тебя за память. Уж ничем ты мне так не угодил, как четками.

Несчастливцев. Когда я посылал эти четки, я думал: «добрая женщина, ты возьмешь их

в руки и будешь молиться. О, помяни меня в твоих святых молитвах!»

Гурмыжская. Поминаю, мой друг, поминаю. Однако, я до сих пор не спрошу у тебя. Судя по твоему платью, ты уж больше не служишь в военной службе.

Несчастливцев. Нет. Плохо здоровье, плохи силы, враг не грозит. Но, если... а!.. мне по душе кровавые потехи! Служить в мирное время для чинов, для почестей!.. Я не честолюбив.

Гурмыжская. Но я не думаю, чтоб ты мог жить без дела. Ты, вероятно, только переменил службу?

Несчастливцев. Переменил.

Гурмыжская. И ты доволен своим положением?

Несчастливцев. Моя служба, тетушка, по мне: я доволен и мной довольны.

Гурмыжская. Ты в отпуске?

Несчастливцев. Нет, я проездом, захотелось отдохнуть.

Гурмыжская. Очень рада, что ты догадался навестить меня. Удобно ли тебе в беседке?

Несчастливцев. О, не беспокойтесь! Сад, природа, зелень, уединение! Это рай для моей души. *(Входит Карп.)*

Карп. Сударыня. Восмибратов давно дожидается-с.

Гурмыжская. Ах, да, я и забыла, что велела приходить ему пораньше. Позови его сюда! *(Карп уходит.)* Не хочешь ли погулять по окрестностям? Вот Алексис будет тебе товарищем.

Несчастливцев. Нет, я гуляю только ночью. *(Буланову.)* Пойдем, братец, в беседку!

Буланов. Пойдемте-с. *(Уходят. Входят Восмибратов и Петр.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Гурмыжская, Восмибратов, Петр.

Гурмыжская. Ты меня извини, я про тебя и забыла.

Восмибратов. Ничего-с. Племянничек приехал?

Гурмыжская. Да, племянник.

Восмибратов. Дело хорошее-с. Однако, сударыня, не задерживайте!

Гурмыжская. Нет, уж теперь я тебя не задержу.

Восмибратов. То-то уж, не задерживайте-с!

Гурмыжская. Нет, нет, мы сейчас.

Восмибратов. Хорошо-с. *(Молчание.)*

Гурмыжская. Ты принес?

Восмибратов. Как же, свое дело помним-с.

Гурмыжская. Ну, так вот мы сейчас.

Восмибратов. Хорошо, хорошо-с. *(Молчание.)*

Гурмыжская. Так как же, много ль там?

Восмибратов. Пожалуйте-с.

Гурмыжская. Что?

Восмибратов. Записочку-с, условьицо-то наше.

Гурмыжская. Да как же, право; я не знаю, куда я ее дела.

Восмибратов. Поищите-с.

Гурмыжская. Где ж ее искать! Я, право, не знаю; я, должно-быть ее потеряла.

Восмибратов. Как же это так-с? Ведь, вы меня таким манером можете обидеть.

Гурмыжская. Что за вздор! Как я тебя обижу?

Восмибратов. Да как только вам угодно, так и обидете. Вы записочку потеряли, я тогда с вас тоже, по глупости, не взял. Вы скажете, что за десять тысяч продали: ведь, я лес-то срубил и вывез, торговаться теперь не станешь.

Гурмыжская. Ну, вот еще! Разве ты меня не знаешь?

Восмибратов. Уж я на вас в надежде-с; потому я теперь весь в ваших руках-с.

Гурмыжская. А, впрочем, что ж тебе сомневаться, Иван Петрович; я тебе записочку приготовила новую.

Восмибратов. Приготовили-с?

Гурмыжская. Да, что деньги я все сполна получила.

Восмибратов. Да-с. Это дело другое-с. Много вами благодарен. Однако же, позвольте эту самую записочку полюбопытствовать.

Гурмыжская. Вот она! *(Подает записку.)* Посмотри!

Восмибратов *(принимая)*. Без очков-то я не очень-с, а в очках-то еще хуже. Да вот сын прочитает. Петр, читай! *(Отдает записку Петру.)*

Петр *(читает)*. За проданный мною калиновскому купцу, Ивану Петрову Восмибратову...

Восмибратов. Да-с, это так точно-с!

Петр *(читает)*. ...на сруб лес в пустошах: Горелой и Паленой...

Восмибратов. Они самые-с.

Петр *(читает)*. ...и две десятины в Пылаевой, деньги все сполна получила, калиновская помещица Раиса Гурмыжская.

Восмибратов *(берет записку)*. Очень хорошо-с. *(Вынимает бумажник и тщательно укла-*

дывает в него записку.) Извольте получить-с. *(Вынимает деньги и считает.)* Тысяча... тысяча-триста, пятьсот, семьсот... *(задумывается и как-будто вспоминает)* восемьсот. Пожалуйте-с! *(Подает Гурмыжской.)*

Гурмыжская. Как же, тысяча-восемьсот? Да ведь, мне нужно...

Восмибратов. Виноват-с, простите великодушно! Вот память-то! *(Вынимает деньги и подает.)* Еще двести рублей! Теперь так точно. Кажется, так? Петрушка, так? Что ж ты молчишь? *(Грозно.)* Говори, дерево стоеросовое!

Петр. Так-с!

Гурмыжская. Иван Петрович, ты шутишь со мной? Три, а не две.

Восмибратов *(обидясь)*. Какие три! Что вы, помилуйте!

Гурмыжская. Разве ты забыл? За один полторы и за другой полторы.

Восмибратов. Нельзя этому быть-с, по расчету не выходит-с.

Гурмыжская. По какому расчету?

Восмибратов. Где же у меня глаза-то-с! Нечто такой лес за три тысячи покупают? Ведь, мы тоже норовим, чтоб без убытку.

Гурмыжская. Я на тебя надеялась, я тебя всем хвалила, что ты хороший, семейный человек...

Восмибратов. Это в состав не входит-с.

Гурмыжская. Если ты так, я не согласна.

Восмибратов. Как вам угодно-с. Прощения просим. Пойдем, Петр!

Гурмыжская. Да, я не согласна продать тебе за эту цену Паленую и Пылаеву. Ну, рассуди сам. Ведь, есть у тебя рассудок?

Восмибратов. Как не быть? Нам без него нельзя-с. Это вот вашей милости точно, что рас-

судку не требуется, потому вы за готовым и так проживете. Если несогласны продавать, пожалуйте деньги назад; надо какой-нибудь конец сделать.

Гурмыжская. Полторы тысячи за Горелую оставлю, а пятьсот возьми.

Восмибратов. Нет, я вижу, нам долго торговаться-с. Я за Паленую и Пылаеву меньше двух тысяч не возьму, и то с вас только.

Гурмыжская. Как не возьмешь?

Восмибратов. Да так же-с. Я их купил у вас; за что, значит, хочу, за то и продаю.

Гурмыжская. Если я тебе отдам две тысячи, мне за Горелую ничего не останется.

Восмибратов. Это уж ваше дело-с.

Гурмыжская. Нет, нет, не хочу, не хочу.

Восмибратов. Ежели бы вы для нас, так и мы бы для вас; а вы нашим родом и званием гнушаться изволите...

Петр. Тятенька!

Восмибратов. Убью.

Гурмыжская. Нет, нет. Ты возьми пятьсот рублей.

Восмибратов. Чего ежели невозможно, зачем говорить! Пойдем, Петр!

Гурмыжская. Так как же?

Восмибратов. Это и малый ребенок поймет. Лес я у вас купил, деньги вам отдал, вы мне расписочку дали; значит, лес мой, а деньги ваши. Теперь поклон, да и вон. Прощенья просим! *(Уходит; за ним Петр.)*

Гурмыжская. Да что ж это такое? Денной грабеж! Удивительное дело, ничего-то мне в жизни не удалось ни купить, ни продать, чтоб меня не обманули. Видно, уж так мне на роду написано. *(Уходит на террасу. Входят Несчастливцев и Буланов.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Гурмыжская, Несчастливцев, Буланов.

Буланов. Как вы фокусы делаете бесподобно-с! Как же это у вас девятка-то...

Несчастливцев. Вольт, братец.

Буланов. Научите меня вольты делать!

Несчастливцев. Зачем?

Буланов. Вот видите ли, помещики у нас кругом богатые... иногда в карты-с... что ж мне за расчет проигрывать: я человек бедный-с.

Несчастливцев. Да ты, братец, молодец совсем.

Гурмыжская *(сходя с террасы)*. Представь, Алексис, я продала Ивану Петрову лес за три тысячи, а получила только две.

Буланов. Как же это-с?

Гурмыжская. Я сама виновата; я ему вперед расписку отдала, что я все сполна получила, ну, а он и дал только две.

Несчастливцев *(грозно)*. Ах, анафема!

Буланов. Зачем же вы так-с? Ах, какая жалость! Лучше бы...

Гурмыжская. Уж теперь нечего делать, мой друг; хорошо, что и две-то дал.

Несчастливцев *(с жаром)*. Как нечего? Воротить его. *(Поднимая глаза к небу.)* Что я с ним сделаю! Боже, что я с ним сделаю!

Буланов. Да, ведь, у него расписка.

Несчастливцев. Толкуй еще! Нужно мне очень расписки знать! Где он? Подайте его сюда. Что я с ним сделаю! *(Входят Карп и Счастливцев.)*

Гурмыжская *(Буланову)*. Ах, какой он страшный! Пойдем, пойдем!

Буланов. Позвольте, я останусь; любопытно-с. *(Гурмыжская уходит.)* Ушел Иван Петров?

Карп. Нет еще, здесь, на дворе-с.

Несчастливцев. Вороти этого мошенника! Я его!.. За ворот тащи. *(Карп уходит.)* Аркашка, подай мои ордена! *(Счастливцев уходит.)*

Буланов. Что же вы с ним будете говорить?

Несчастливцев. Почем я знаю, братец, что я буду говорить!

Буланов. Да разве можно против документов-с?

Несчастливцев. А вот я тебе покажу, что можно. Что мне за дело до документов, я не подъячий. Да отстань ты от меня, мне теперь, братец, не до тебя. *(Счастливцев приносит бутафорские ордена, Несчастливцев надевает их.)*

Буланов. Какие же это ордена-с? Иностранные? *(Входят Карп, Восмибратов и Петр.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Несчастливцев, Буланов, Счастливцев, Восмибратов, Петр, Карп.

Восмибратов. Чего еще? Какая такая надобность? У нас тоже свое дело есть, разговоры-то уж нам надоели.

Карп. Пожалуйте! Мне что, коли требуют.

Буланов. Это иностранные ордена-с?

Несчастливцев. Иностранные. Оставь, братец, меня в покое! *(Восмибратову.)* Поди сюда!

Восмибратов. Желаю здравствовать, ваше высокородие! Имени, отечества не знаю-с...

Несчастливцев. Поди сюда, говорят тебе!

Восмибратов *(сыну)*. Петрушка, отдайся к стороне! Отойди маненько! Вот так-то! *(Несчастливцеву.)* Что же будет вам угодно-с?

Несчастливцев. Не могу же я с тобой за версту разговаривать.

Восмибратов. Может, на ухо крепки-с, так мы подойдем, важности не состоит.

Несчастливцев. Как же ты посмел подумать!..

Восмибратов. Позвольте-с!

Несчастливцев. Молчи! Такая женщина! И ты...

Восмибратов. Какая женщина? Позвольте-с...

Несчастливцев. Какая женщина! Он спрашивает! Молчи, говорят тебе! Женщина, перед которой все, все, даже я... я благоговею! И ты, презренный алтынник!..

Восмибратов. Насчет чего же это-с?

Несчастливцев. Не перебивай меня! Благодари бога, что у меня еще есть капля терпения! Горе тебе, если его не будет! *(Грозит пальцем.)*

Восмибратов. Петрушка! Что ты рот разинул! Стой хорошенько!

Несчастливцев. Несчастный! Не становись между львом и его...

Восмибратов. Что же вы кричите! Вы будете кричать, я буду кричать, будет базар, а толку не выдет.

Несчастливцев. Ты, ты?.. Ты будешь кричать?

Восмибратов. Да отчего ж не кричать, коли здесь такое заведение? Мы промежь себя говорим тихо, потому у нас глухих нет.

Несчастливцев *(Буланову)*. Что он говорит? Что он говорит? Что он смеет говорить?

Буланов. Да-с.

Несчастливцев. Боже великий! И он жив еще? Я еще не убил его?

Восмибратов. Это на что же-с! А вы позвольте, что вам угодно? Потому мне тут даром гостить нечего.

Несчастливцев. Что мне угодно? Он спрашивает, что мне угодно! А! Ха, ха, ха! Мне угодно сказать тебе, что ты мошенник.

Восмибратов. Нет, вы уж это оставьте! Ни к чему не ведет. По нынешнему времени это лишнее.

Петр. Какие комплименты!

Восмибратов. Петрушка, поди сюда!

Петр. Я здесь, тятенька.

Восмибратов. Коли есть дело, так говорите, а нет, так прощенья просим. Да вот что, лучше ко мне пожалуйте, мне дома-то слободнее разговаривать. Петр, пойдем!

Несчастливцев *(грозно)*. Постой!

Петр. За постой-то деньги платят.

Несчастливцев. Как же ты обманул честную женщину!

Восмибратов. Обман! Говорить-то все можно. Отчего же вы тетеньке верите, а мне нет?

Несчастливцев. Он спрашивает... Она кроткая, как ангел, и он... *(Всплеснув руками.)* Он еще разговаривает! Посмотрите на него! Одна рожа-то твоя, богопротивная, чего стоит!

Восмибратов. Петрушка, стань тут!

Петр. Однако, тятенька, уж довольно бы этих куплетов слушать...

Несчастливцев. Кротость! Олицетворенная кротость!

Восмибратов. Этого у них никто не отнимает, только-что рассудку... в умалении.

Несчастливцев. Что твой рассудок! На что твой рассудок! Рассудок вершок, золотник, гран; а честь бесконечна. И ее-то у тебя нет.

Восмибратов. Нет уж, барин, ты что хочешь говори, а чести не трошь; судиться буду. Как так у меня чести нет? Коли я свои документы оправдываю — вот моя и честь. Да про меня спроси на сто верст, все тебе то же скажут. Мало тебе, я сам про себя скажу, что я — честный человек. Уж насчет там чего другого я не хвалюсь, а насчет чести я вот что скажу, барин: я не человек, я — правило.

Несчастливцев *(садится к столу и опускает голову)*. Ступай!

Восмибратов. Чего, ступай?

Несчастливцев. Довольно! Пошел вон! О, люди, люди!

Восмибратов. Чего довольно? Нет, погоди. Хочешь, барин, я тебя одним словом убью?

Несчастливцев. Меня?

Восмибратов. Да, тебя. *(Подходит, вынимает бумажник и бросает на стол.)* Видал ты это?

Несчастливцев. Что такое?

Восмибратов. Может, твоя тетенька сама забыла; ну, да бог с ней, ты ей веришь, бери на свою совесть, бери, сколько хочешь! Я не препятствую, бери.

Буланов. Берите скорей!

Несчастливцев *(Буланову)*. Пошел прочь! *(Восмибратову, отдавая бумажник.)* Отдай сам!

Восмибратов. То-то сам. *(Отсчитывает деньги.)* Вот я какой человек. В поминанье меня запишите!

Несчастливцев. Руку!

Восмибратов. Чего руку! *(Подает руку.)* Давно бы так. Я какой человек? Ты, должнобыть, барин, знаешь мой характер? Коли меня раздразнить, я в задор войду — все отдам. Точно, что мы торговались за три, кажись, а наверное не

скажу... Документов нет, моя воля. На вот, отдай им тысячу рублей. А все-таки, скажу: не порядок. *(Входит Гурмыжская.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Гурмыжская, Несчастливцев, Буланов, Счастливцев, Восмибратов, Петр и Карп.

Несчастливцев *(подавая Гурмыжской деньги).* Вот ваши деньги, получите *(отходит к стороне и стоит, скрестя руки и опустя голову).*

Гурмыжская. Очень тебе благодарна, мой друг!

Восмибратов. Получили-с? А только, если б не барин, не видать бы вам этих самых денег. Да и я-то бы против себя виноват был; потому тоже совесть.

Гурмыжская. Ты на меня не сердись, Иван Петрович! Я женщина, с меня строго взыскать нельзя. Сделай милость, приезжай ко мне завтра обедать.

Восмибратов. От хлеба, от соли не отказываются. Да там еще насчет пеньков...

Гурмыжская. Ну, и насчет пеньков.

Восмибратов. Прощения просим! Прощай, барин сердитый! Петр, пойдем. *(Уходит; за ним Петр и Карп.)*

Гурмыжская *(Несчастливцеву).* Ах, как я тебе благодарна! А ты знаешь ли, ведь, я тебе еще должна ровно такую сумму. *(Как бы спохватившись, торопливо прячет деньги.)*

Несчастливцев. Не верю.

Гурмыжская. Я твои деньги берегу, мой друг, берегу!

Несчастливцев. Ах, тетушка, оставьте свои хитрости! Как вам не стыдно! О, сердце женское! Вы хотите предложить мне денег, да не знаете, как это сделать поделикатнее. Вы мне должны! Ну, и прекрасно! Когда-нибудь сочтемся! Не откажите, когда буду нуждаться, а теперь мне не нужны деньги, я богат.

Гурмыжская. Ну, как хочешь, мой друг.

Счастливцев *(про себя)*. Что он ломается без копейки-то.

Гурмыжская *(взглянув на Буланова)*. Я надеюсь, что ты погостишь у нас.

Несчастливцев. Два, три дня, не больше, если позволите.

Гурмыжская. Что ж так мало?

Несчастливцев. С меня довольно. Навестить родные кусты, вспомнить дни глупого детства, беспечной юности... Кто знает, придется ли еще раз пред вратами вечности...

Гурмыжская. Не думаешь ли ты, что стеснишь меня? Напротив, я была бы очень рада!

Несчастливцев. Благородная женщина! Не расточай напрасно передо мною сокровища твоего сердца! Мой путь тернист; но я не сойду с него.

Гурмыжская *(показывает глазами Буланову, что она очень довольна)*. Как хочешь, мой друг. Я думала, что тебе будет здесь покойнее.

Несчастливцев. Мой покой в могиле. Здесь рай; я его не стою. Благодарю, благодарю! Душа моя полна благодарностью, полна любовью к вам, грудь моя полна теплых слез *(утирает слезы)*. Довольно милостей, довольно ласк! Я сделаюсь идолопоклонником, я буду молиться на тебя! *(Закрывает лицо рукою и уходит. Счастливцев идет за ним, но останавливается и смотрит из-за куста.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ.

Гурмыжская, Буланов, Счастливцев за кустом.

Гурмыжская. Ушел. Ну, теперь я покойна, он мне не помешает. Он какой-то восторженный! Просто, мне кажется, он глупый человек. А как я давеча испугалась! Как он страшен!

Буланов. Нет, это ничего-с, это с простым народом очень хорошо-с.

Гурмыжская. Все-таки ты остерегайся! Береги себя, мой друг! Этот сон у меня из головы нейдет... у него такой бешеный характер.

Буланов. Да не беспокойтесь, мы с ним подружились.

Гурмыжская. Я никак не ожидала... сам от денег отказывается! Как это мило с его стороны! И напрасно я напоминала про этот долг. С чего я это расчувствовалась! Играешь-играешь роль, ну и заиграешься. Ты не поверишь, мой друг, как я не люблю денег отдавать.

Буланов. Я не знаю, я еще молод-с; а умные люди говорят, Раиса Павловна, что скупость не глупость.

Гурмыжская. Да я не скупа; кого я полюблю, тому я все отдам.

Буланов. А у вас много денег-с?

Гурмыжская. Много. Вот посмотри! *(Открывает коробку. Буланов смотрит и вздыхает.)* И все эти деньги я отдам тому, кого полюблю.

Буланов *(с глубоким вздохом)*. Ох-с!

Гурмыжская. Вот, что я хотела тебе сказать, Алексис! Ты держишь себя очень подобострастно, ты все еще смотришь мальчиком; это мне не нравится. Конечно, тебя нельзя судить

строго; это в тебе от бедности. Ну, мы как-нибудь этому горю поможем, сделаем тебя посолиднее. Я хочу, чтоб ты был посолиднее, Алексис. Надняx ты поедешь в губернский город, закажи себе побольше хорошего платья, попросторнее, купи дорогие, золотые часы с цепочкой, ну, и прочее... Кроме того нужно, чтоб у тебя постоянно было много денег в кармане; это придаст aplomb.[13]) *(Вынимает из коробочки деньги, которые ей передал Несчастливцев.)* Это деньги глупые, я их получила случайно. Я тебе их дарю.

Буланов *(потерявшись).* Мне-с? *(Берет деньги.)* Благодарю-с *(целует руку).* Солидным приказываете быть? Буду-с.

Гурмыжская. Пойдем, составим список, что тебе купить в городе. *(Уходят.)*

Счастливцев. Прощай, денежки! Ох, эти трагики! Благородства пропасть, а смысла никакого.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

Гурмыжская.
Буланов.
Несчастливцев.
Счастливцев.
Аксюша.
Петр.
Карп.
Улита.

Другая часть сада: направо беседка, налево садовая скамья; вдали, сквозь деревья, видно озеро. Лунная ночь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Несчастливцев и Счастливцев

Несчастливцев. Ты, Аркадий, поужинал?

Счастливцев. Поужинал.

Несчастливцев. Хорошо тебя, братец, накормили?

Счастливцев. Отлично. Умный человек, Геннадий Демьяныч, нигде не пропадет.

Несчастливцев. Умный? Это ты про кого же?

Счастливцев. Про себя-с.

Несчастливцев. Ну, кто ж это тебе сказал, что ты умный? Ты, братец, не верь, тебя обманули.

Счастливцев. Даже очень умный-с. Вот, во-первых, я ем с барского стола, я сказал, что так приучен у вас; а во-вторых, сошелся с ключницей, и, по этому случаю, Геннадий Демьяныч, занял у нее денег, да еще у меня бутылка наливки в уголку подле кровати, будто вакса.

Несчастливцев. Для первого дебюта недурно, Аркашка. Ты, брат, старайся, играй свою роль хорошенько!

Счастливцев. Я-то хорошо; вы-то как?

Несчастливцев. Я ныньче счастлив, Аркадий; я сделал хорошее дело.

Счастливцев. Да-с, хорошее. А еще лучше, кабы эти деньги...

Несчастливцев. Что?

Счастливцев. Ампоше.[14]

Несчастливцев. Я тебе такое «ампоше» задам!

Счастливцев. Сколько денег в руках было! Ах, Геннадий Демьяныч!

Несчастливцев. Были, да сплыли.

Счастливцев. Зачем же вы их отдали?

Несчастливцев. Ты помешался, Аркашка! Как зачем? Они не мои.

Счастливцев. Вот еще важность! Сейчас «давай бог ноги!» В город, на тройку... покатили бы!.. потом на пароход в Ярославль, туда-сюда, а там в Нижний на ярмарку!

Несчастливцев. Удавить тебя, Аркашка, я так думаю, было бы и для тебя лучше, и для меня покойнее.

Счастливцев. Удавить! Вот вы говорите, что умны; а гимназист-то, видно, умнее; он здесь получше вашего роль-то играет.

Несчастливцев. Какая роль, братец. Ну, что он такое? Мальчишка, больше ничего.

Счастливцев. Какая роль? Первый любовник-с.

Несчастливцев. Любовник? *(Грозно.)* Чей?

Счастливцев *(комически-подобострастно)*. Тетеньки вашей.

Несчастливцев. Ха, ха, ха! Аркашка, у тебя не только фигура, а и душа холопская. Только ты будь осторожней, не болтай лишнего, за это вашего брата бьют.

Счастливцев. Ну да, бьют...

Несчастливцев. И очень больно.

Счастливцев. Как же не бить! *(Отходит к кустам.)* Он-то любовника играет, а вы-то... *(из-за куста)* простака.

Несчастливцев *(наступая)*. Я простака? Я?

Счастливцев *(перебегая на другую сторону)*. Над которым смеются.

Несчастливцев *(наступая)*. Надо мной смеются? Кто? кто? Говори, несчастный!

Счастливцев *(отступая)*. Да будет вам пугать-то! Я убегу... Чем же я виноват, я сам слышал, своими ушами.

Несчастливцев. Да кто? Проклятие!

Счастливцев. Тетенька с Булановым.

Несчастливцев *(хватаясь за голову)*. О!

Счастливцев. Дураком называли. *(Прячется за куст.)*

Несчастливцев. Аркашка! Иль тебе твоя гнусная жизнь надоела! Так поди, удавись сам! Не заставляй меня марать рук об тебя!

Счастливцев. Были деньги, да взять не сумели: по усам текло, да в рот не попало. А еще меня в товарищи звали! Коли товарищи, так все пополам, — тут и моя часть была.

Несчастливцев. Да, ведь, я тебя в товарищи-то не на разбой звал.

Счастливцев. Подайте мою часть, подайте!

Несчастливцев. Аркашка! Ты пьян, что ли?

Счастливцев. Ну, так что ж, что пьян! И горжусь этим.

Несчастливцев. Нет, убить, убить, и кончено дело! И разговаривать нечего!

Счастливцев *(отступая)*. Ну, да как не убить! *(Из-за куста.)* Руки коротки! *(Убегает.)*

Несчастливцев. Он солгал, бесстыдно солгал. О, как гнусен может быть человек! Но если... Пусть лучше он лжет, чем говорит правду! Я только прибью его... Но если моя благочестивая тетушка, этот образец кротости и смирения... О, я тогда заговорю с ней по-своему. Посмеяться над чувством, над теплыми слезами артиста! Нет, такой обиды не прощает Несчастливцев! *(Уходит. Входит Карп.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Карп, потом Улита

Карп. Поужинали; барыня в спальню ушла, можно и отдохнуть. *(Садится на скамью. Входит Улита и осматривается.)* Погулять вышли?

Улита. Да, Карп Савельич. Ночь уж очень...

Карп. Действительно... располагает... Что ж, погуляйте! И то сказать, живой человек, а живой о живом и думает.

Улита. Вы это про что же?

Карп. Хоть бы про вас.

Улита. В каких смыслах?

Карп. Сами можете понять.

Улита. Нет, однако?

Карп. Да мне что! Как хотите! Я вам не муж!

Улита. Это даже очень глупо, что вы говорите.

Карп. Уж это как вам будет угодно.

Улита. Не понимаю, как люди завсегда во всем только дурное видят.

Карп. Ничего я ни дурного, ни хорошего не вижу; а только что удивительно...

Улита. Что удивительно?

Карп. При ваших таких летах...

Улита. Каких таких? Вы на моих крестинах не были. Нечего вам говорить-то, я вижу.

Карп. Вас от разговору моего не убудет.

Улита. Сидите тут, как филин, да прибираете, что в голову придет.

Карп. Стало-быть, я вам здесь мешаю?

Улита. Это к чему еще? Напрасно вы так обо мне понимаете! *(Входит Счастливцев.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Карп, Улита, Счастливцев.

Счастливцев. Честная компания!

Улита. Милости просим!

Карп. Ваш спит?

Счастливцев *(садясь)*. Кто его знает!

Улита. Вы долго у нас прогостите?

Счастливцев. Что нам здесь делать!

Карп. А следовало бы. Порядок другой: вот давеча Иван Петров сейчас деньги отдал.

Улита. Конечно, мужчина.

Карп. А барыне где же! Добрые люди прикупают, а мы все продаем. Что одного лесу продано, что прочего! Набьет барыня полну коробку деньгами и держит их, и гроша никто не выпросит; а тут вдруг и полетят тысячи, и полетят.

Счастливцев. Разве летают?

Карп. Летают.

Улита. Все бедным, да родственникам.

Счастливцев *(не слушая)*. Вот бы поймать.

Карп. Да и ловят.

Улита. Все бедным, да родственникам.

Карп. Как не родственникам!

Улита. А кому же, по-вашему?

Карп. Знаем мы, кому.

Улита. Вы бы стыдились, хоть при посторонних-то!

Карп. Что его стыдиться! Он наш брат, стало-быть, чего же...

Улита. Кажется, уж про нас на всю губернию известно, об нашей примерной жизни.

Карп. Я про деревню и не говорю; вот разве, что дальше будет. А в Петербурге, а в Москве?

Улита. Все-таки, вы не должны барыню осуждать.

Карп. Да разве я осуждаю! Барыня добрая, служить нам хорошо. А правду отчего не сказать? Я деньги-то на почту вожу, там мне верней знать, кому их посылают, родственникам или нет.

Счастливцев. Любопытный разговор.

Улита. Ничего любопытного нет. Что вы! Он все сочиняет.

Карп. Доктору французу посылали? Итальянцу посылали? Топографу, что землю межует, посылали?

Улита. Ах, ах! Как это вам не стыдно!

Карп. Ну, что еще! Какой разговор! Я правду люблю. Однако же, и спать. Ну, вас! Счастливо оставаться!

Счастливцев. Прощайте, Осетр Савельич!

Карп. Уж ты мне, балагур! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Счастливцев и Улита.

Улита. Пробовали наливочку? Не знаю, хороша ли; хотелось вам угодить, а уж, право, не знаю.

Счастливцев. Очень хороша, отличная; должно-быть, вы сами ее делаете.

Улита. Я слова эти ваши не иначе, как в шутку принимаю. Хотите, я вам завтра к чаю сливок принесу?

Счастливцев. Сделайте одолжение, только от бешеной коровы.

Улита. Ах, я вас не понимаю.

Счастливцев. То-есть, рому. Он так у нас называется.

Улита. Поищу.

Счастливцев. Поищите, если любите!..

Улита. Вот вы сказали: «если любите!» Знаете, что я вам скажу на это?

Счастливцев. Нет, не знаю.

Улита. Вы вот это слово сказали мне в насмешку. А вы нашу сестру не судите!

Счастливцев. За что же, помилуйте! Я очень доволен.

Улита. Мужчины завсегда довольны, потому на них ответу нет. А вы возьмите наше дело! Бывало... И вспоминать-то смерть, так жизнь-то, не живя, и коротали. Замуж тебя не пускают, любить тоже никого не приказывают... у нас насчет любви большой запрет был. Ну, одно средство: к барыне подделываешься. Ползаешь, ползаешь перед барыней-то, то-есть, хуже, кажется, всякой твари последней; ну, и выползаешь себе льготу маленькую; сердцу-то своему отвагу и дашь. Потому, ведь, оно живое, тоже своего требует. Уж и как эта крепость людей уродует! Про себя вам скажу... Да вам слушать-то будет скучно... само собой, во всем этом одна только подлость. И не хочу я расстраивать ни себя, ни вас, потому как вы мне милы. *(Оглядываясь.)* Никак ваш барин?

Счастливцев. Бить меня идет.

Улита. Ах, жалости какие!

Счастливцев. Я присяду, а вы меня загородите; авось не заметит. *(Приседает.)* Что, идет, приближается?

Улита. Нет, назад пошел; только так дико посмотрел. Какой у него взгляд! Ужасти просто; так тебя в дрожь...

Счастливцев *(встает)*. Варвар!

Улита. Как же вы, мой милый, живете у такого барина?

Счастливцев. Да какой он мне барин! Я такой же, как и он. Ишь ломается, благо горло-то широко.

Улита. Что вы это говорите! У них барственность настоящая, врожденная. Этого отнять у них никак невозможно.

Счастливцев. Кто у него отнимает! Я говорю только, что мы с ним равные, оба актеры, он — Несчастливцев, я — Счастливцев, и оба пьяницы.

Улита. Актеры? Ах, что вы! Что вы?

Счастливцев. Больше десяти лет по России-то бродим, из театра в театр, как цыгане. Оттого он и не был у тетки, что стыдно глаза показать.

Улита. Ах, ужасти!

Счастливцев. Вот и теперь в Вологду пешком идет с сумочкой. Нельзя ж ему без лакея показаться, он дворянин, ну, и укланял меня. Так и обращайся хорошенько. Я еще на провинции-то лучше его считаюсь, ныньче оралы-то не в моде.

Улита. Что только я слышу от вас!

Счастливцев. Думает здесь попользоваться чем-нибудь от тетушки. Уж просил бы прямо на бедность; так, видишь, стыдно. Давеча оплошал, не удалось зажать деньги-то; вот теперь на меня за

это бесится. Самой низкой души человек! В карты давеча играл с гимназистом, заманивал его. Уж я ушел от них; обыграет его, думаю, отнимет деньги, да еще прибьет. Да так и будет; ему это не в первой! Он убьет кого-нибудь, с ним в острог попадешь. Вся ухватка-то разбойничья, Пугачев живой.

Улита. Хорошо, что вы мне сказали. Прощайте!

Счастливцев. Адью, мон плезир.[15])

Улита *(с испугом)*. Я уж пойду! Ах, страсти!

Счастливцев. А, испугалась! А я так всех чертей играл, прыгал вот так по сцене. *(Прыгает и кричит.)* У! У!

Улита. Батюшки мои! Уж вы меня извините!

Счастливцев. Да что мне в твоем извинении! Провалитесь вы и с усадьбой-то! Я вот убегу от вас. Будьте вы прокляты! *(Улита убегает.)* Ушел бы сейчас, да боюсь; по деревне собак пропасть. Экой народ проклятый! Самим есть нечего, а собак развели. Да и лесом-то одному страшно. Придется в беседке переночевать; надо же туда итти, там библиотека и наливка осталась. А как сунешься? Он не спит еще, такой монолог прочитает! Пожалуй, вылетишь в окно, не хуже Фидлера. Пойду, поброжу по саду, хоть георгины все переломаю, все-таки легче. *(Уходит. Петр робко крадется в тени кустов и осматривается.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Петр, потом Аксюша.

Петр. Ну, кажись, все в доме спать полегли. Только этот бессчастный путается. Ну, да ему полтину серебра пожертвовать, так он отца родного продаст. Ночь-то очень светла, может, Аксюша не выйдет совсем, побоится, чтобы не увидали. А как

нужно-то! Уж последний бы раз повидались, да и кончено дело. Эх ты, подневольная жизнь! Дрожит сердце, как овечий хвост, да и шабаш! Ничего с собой не сделаешь: и руки, и ноги трясутся. Воровать легче! Приди в чужой дом повидаться с девушкой, не в пример тебя хуже вора сочтут. Эка эта любовь! Вон тятенька говорит, что это баловство одно, на год, на два, говорит, это занятие, не больше, а там сейчас насчет капиталу. Дожидайся, когда она пройдет, а пока что муки-то примешь. Никак идет? И то. *(Входит Аксюша; увидав Петра, подбегает к нему.)*

Аксюша. Ах, ты здесь!

Петр. Давно уж тут путаюсь. Здравствуй! Жива ли покуда? *(Целует ее.)*

Аксюша. Видишь, что жива. Ну, говори скорей! Некогда ведь, того гляди хватятся.

Петр. С тятенькой у нас опять разговор был.

Аксюша. Ну, что ж он? Говори скорей! Душа мрет.

Петр. Подается. Час ругал по абнакавению. Потом: «за тебя, говорит, дурака, видно, невесту с приданым не найдешь! Хоть бы две тысячи за тебя дали, и то бы ладно». Слышишь?

Аксюша. Да, ведь, негде их взять.

Петр. Надо доставать.

Аксюша. У Раисы Павловны не выпросишь; нечего и унижаться.

Петр. А ты у братца попроси, у Геннадия Демьяныча!

Аксюша. Ай, что ты! Страшно, да и стыд-то какой!

Петр. Да, ведь, уж ау, брат! До самого нельзя вплоть приходить.

Аксюша. Надо, ведь, ему будет признаться во всем.

Петр. Ну, так что ж! И признайся! Он свой человек. От него нам уж последнее решение выйдет.

Аксюша. Да, уж последнее.

Петр. А, ведь, кто его знает! На грех мастера нет. Он с виду-то барин добрый. Да ты поскорей, завтра же чем свет; а в полдень мы с тятенькой придем, ты мне скажешь.

Аксюша. Хорошо, хорошо.

Петр. Только ты долго этого разговору не тяни; а так и так, мол, до зарезу мне; вот и конец. Либо пан, либо пропал.

Аксюша. Да, да, разумеется, до стыда ли тут, когда...

Петр. Что: «когда»?

Аксюша. Когда смерть приходит.

Петр. Ну, полно, что ты?

Аксюша. Вот что, Петя! Мне все пусто как-то вот здесь.

Петр. С чего же?

Аксюша. Я не могу тебе сказать с чего, я неученая. А пусто, вот и все. По-своему я так думаю. что с детства меня грызет горе да тоска; вот, должно-быть, подле сердца-то у меня и выело, вот и пусто. Да все я одна; у другой мать есть, бабушка, ну, хоть нянька, или подруга; все-таки, есть с кем слово сказать о жизни своей, а мне не с кем — вот у меня все и копится. Плакать я не плачу, слез у меня нет, и тоски большой нет, а вот, говорю я тебе, пусто тут у сердца. А в голове все дума. Думаю, думаю.

Петр. А ты брось думать! Задумаешься — беда.

Аксюша. Да нельзя бросить-то, сил нет. Кабы меня кто уговаривал, я бы, кажется, послушалась — кабы держал кто! И все мне вода представляется.

Петр. Какая вода?

Аксюша. Да вот что, милый ты мой, все меня в воду тянет.

Петр. Ой, что ты, перестань!

Аксюша. Гуляю по саду, а сама все на озеро поглядываю. Уж я нарочно подальше от него хожу, а так меня и тянет, хоть взглянуть; а увижу издали, вода-то между дерев мелькнет, — так меня вдруг, точно сила какая, ухватит, да так и несет к нему. Так бы с разбегу и бросилась.

Петр. Да с чего ж это с тобой грех такой?

Аксюша. Сама не знаю. Вот как ты говорил вчера, так это у меня в уме-то и осталось. И дома-то я сижу, так все мне представляется, будто я на дно иду, и все вокруг меня зелено. И не то, чтоб во мне отчаянность была, чтоб мне душу свою загубить хотелось — этого нет. Что ж, жить еще можно. Можно скрыться на время, обмануть как-нибудь; ведь, не убьют же меня, как приду; все-таки, кормить станут, и одевать, хоть плохо, станут.

Петр. Ну, что уж за жизнь!

Аксюша. А что ж жизнь? Я и прежде так жила.

Петр. Ведь, так-то и собака живет, и кошка; а человеку-то, кажись, надо бы лучше.

Аксюша. Ах, милый мой! Да я-то про что ж говорю? Все про то же. Что жить-то так можно, да только не стоит. И как это случилось со мной, не понимаю! Ведь, уж мне не шестнадцать лет! Да и тогда я с рассудком была, а тут вдруг... Нужда да неволя уж очень душу сушили, ну, и захотелось душе-то хоть немножко поиграть, хоть маленький праздничек себе дать. Вот, дурачок ты мой, сколько я из-за тебя горя терплю. *(Обнимает его.)*

Петр. Ах ты, горькая моя! И где это ты так любить научилась? И с чего это твоя ласка так

душу разнимает, что ни мать, кажется, и никто на свете... Только уж ты, пожалуйста! Ведь, мне что же? Уж и мне за тобой... не миновать, выходить.

Аксюша. Ну, уж это твое дело. Ведь, уж мне не узнать, будешь ли ты меня жалеть, или будешь смеяться надо мной. Мне с своей бедой не расстаться, а тебе дело до себя, мне легче не будет.

Петр. Нет, уж ты лучше подожди; хоть немного, да поживем в свою волю. Да что загодя и думать-то! Еще вот что твой братец скажет?

Аксюша. Конечно, коли есть случай, зачем его обегать.

Петр. Может, и выручит.

Аксюша. Может-быть. Ты никого не видал в саду?

Петр. Геннадия Демьяныча камардин тут путался.

Аксюша. Так ты ступай! Время уж.

Петр. А ты, Аксюша, домой, чтоб... а то... и боже тебя охрани!

Аксюша. Домой, домой, не бойся. Что мне за охота: у меня теперь все-таки, что-нибудь впереди есть.

Петр. Ну, то-то же, смотри! *(Целуются.)* Я на тебя в надежде. *(Уходит. Аксюша хочет итти домой, оборачивается и видит Несчастливцева, который выходит из беседки.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Аксюша, Несчастливцев, потом Счастливцев.

Несчастливцев *(про себя)*. Женщина, прекрасная женщина. *(Подходит к Аксюше.)* Ты женщина или тень?

Аксюша. Братец!

Несчастливцев. А! Я вижу, что ты женщина. А я желал бы теперь, в эту прекрасную ночь, побеседовать с загробными жителями.

Аксюша. Братец.

Несчастливцев. Много тайн, много страданий унесли они с собой в могилу. Душа моя мрачна, мне живых не надо. Мне нечего говорить с живыми! Мне нужно выходцев с того света! Прочь!

Аксюша. Братец, и я много страдала, и я страдаю.

Несчастливцев. Ты?

Аксюша. Я. Я очень несчастна.

Несчастливцев. Ой, если ты несчастна, поди ко мне, поди на грудь мою. *(Аксюша прилегает к нему на грудь.)* Я два раза тебе брат: брат по крови и брат по несчастию.

Аксюша *(опускаясь на колени)*. Братец, я виновата.

Несчастливцев *(поднимая ее)*. Нет, нет, не передо мной! Можешь ли ты быть виновата? Ты, такая юная, такая прекрасная? И перед кем же? Что я? Я отребие, обноски человечества.

Аксюша. Я виновата передо всеми, перед собой! Я люблю...

Несчастливцев. Дитя мое! Люби, кого хочешь. На то тебе бог дал сердце, чтоб любить.

Аксюша. Ах, что вы говорите! Любить! Я люблю, не помня себя; но, ведь, мне нужно выйти за него замуж, нужно, нужно.

Несчастливцев. А кто ж тебе мешает?

Аксюша. Люди мешают, люди, которые власть имеют.

Несчастливцев. А ты их не слушай! Иди за того, кого любишь. И да будет над тобой мое благословение!

Аксюша. Он не женится на мне без приданого, отец ему не позволяет. Нужно приданое, а у меня его нет.

Несчастливцев. Какой вздор! Счастье дороже денег.

Аксюша. Мне нет счастья без денег.

Несчастливцев. А много ли денег нужно?

Аксюша. Две тысячи рублей.

Несчастливцев. Какие пустяки! Неужели Раиса Павловна откажет тебе в такой малости?

Аксюша. Откажет. Меня держат из милости, кормят из милости; смею ли я еще просить приданого! Корку хлеба дадут мне, а денег нет.

Несчастливцев. И от такой ничтожной суммы зависит счастие девушки, счастие молодой души...

Аксюша. Нет, не счастие, а жизнь.

Несчастливцев. Жизнь? Силы небесные! Так ли ты сказала?

Аксюша. Так братец.

Несчастливцев. Наконец, боже! Неужели я вижу женщину? И любовь твоя не простая прихоть? И ты готова на все жертвы?

Аксюша. Много я жертв принесла этой любви; а жизнь моя так горька, так горька, что ее и жалеть не стоит.

Несчастливцев. И ты без страха?

Аксюша. Без страха, хоть сейчас...

Несчастливцев *(простирает над нею руки)*. Ангелы божии, покройте ее своими крылами! ***(Аксюша склоняет голову в молчании, сложа руки. Короткая пауза.)***

Аксюша. Братец, не сердитесь на меня! Не подумайте обо мне дурно! Мне так тяжко сказать вам...

Несчастливцев. Говори, говори!

А к с ю ш а. Братец, не сочтите меня за обманщицу, за бедную родственницу-попрошайку! Братец, мы жили с маменькой очень бедно; я была ребенком, но я ни разу не поклонилась, ни разу не протянула руки богатым родственникам; я работала. Теперь, братец, только вас одного я прошу и то ночью, благо не видно стыда на щеках моих; братец, вы богаты, одиноки, дайте мне счастье, дайте мне жизнь. *(Становится на колени.)*

Н е с ч а с т л и в ц е в *(поднимает ее, растроганный с дрожью в голосе).* Дитя мое! Дитя мое!

А к с ю ш а. Если б не страх стыда за мою грешную любовь, я бы никогда, никогда... Будьте мне отцом, я девушка добрая, честная. Я научу маленьких детей моих благословлять вас и молиться за вас.

Н е с ч а с т л и в ц е в. О, замолчи! Я вырву все свои волосы. О, дитя мое! Я преступник! Я мог иметь деньги, мог помочь тебе, мог сделать тебя счастливой, и я промотал, прожил их беспутно; я их втоптал в грязь вместе с своею молодостью, с жизнью. И вот когда они нужны, их нет у меня. Если б я знал, если б я знал, я бы питался одним хлебом, я бы ходил в рубище и каждый рубль зашивал в это рубище. Мы пьем, шумим, представляем пошлые, фальшивые страсти, хвастаем своим кабачным геройством; а тут бедная сестра стоит между жизнью и смертью. Плачь, пьяница, плачь!

А к с ю ш а. Братец, братец!

Н е с ч а с т л и в ц е в. Прости меня, прости! Я бедней тебя, я прошел пешком сотни верст, чтоб повидаться с родными; я не берег себя, а берег это платье, чтоб одеться приличнее, чтоб меня не выгнали. Ты меня считаешь человеком, благодарю тебя! Ты у меня просишь тысячи — нет у меня их. Сестра, сестра! Не тебе у меня денег просить! А ты

мне не откажи в пятачке медном, когда я постучусь под твоим окном и попрошу опохмелиться. Мне пятачок, пятачок! Вот кто я!

Аксюша *(хватаясь за сердце)*. Ох, ох! Еще, еще горе! Еще обман моему сердцу! За что же я себя обидела! И я, глупая понадеялась! Разве я смею надеяться! Разве есть для меня надежда! Прощайте! *(Отходит, шатаясь, потом быстрее и быстрее, и наконец бежит.)*

Несчастливцев *(смотрит ей вслед)*. Куда она? Она бежит, бросает платок с себя, она у берега. Нет, нет, сестра! Тебе рано умирать! *(Убегает. Входит Счастливцев.)*

Счастливцев. Ну, убежал куда-то. Уж не топиться ли? Вот бы хорошо-то. Туда ему и дорога! Зайду в беседку, соберу свою библиотеку, и прощайте. Посижу в кустах до свету и марш. Деньги есть; слава богу, занял-таки, удалось, наконец. Хороший это способ доставать деньги; да все как-то мне не счастливилось до сих пор, такой мнительный народ стал. Ну, теперь доберусь до какого-нибудь театра. *(Уходит в беседку. Выходит Несчастливцев, поддерживая Аксюшу, которая едва идет.)*

Несчастливцев. Нет, нет, дитя мое! Как ни велико твое горе, а умереть тебе я не дам. Тебе надо жить, ты еще так молода! Тебя зело горе, надоела тебе молодая жизнь? Забудь это горе, брось эту жизнь! Начнем новую, сестра, для славы, для искусства.

Аксюша. Я ничего не знаю, ничего не чувствую, я мертвая. Отдохнуть мне.

Несчастливцев *(сажая ее на скамью)*. Ты ничего не знаешь? Нет, дитя мое, ты знаешь больше других; ты знаешь бури, знаешь страсти — и довольно!

Аксюша. Делайте, что хотите. У меня впереди ничего нет. Куда вы меня зовете, зачем вы меня зовете, что там — я не знаю. Хуже не будет.

Несчастливцев. И там есть горе, дитя мое; но зато есть и радости, которых другие люди не знают. Зачем же даром изнашивать свою душу! Кто здесь откликнется на твое богатое чувство? Кто оценит эти перлы, эти брильянты слез? Кто, кроме меня? А там... О! Если половину этих сокровищ ты бросишь публике, театр развалится от рукоплесканий. Тебя засыплют цветами, подарками. Здесь на твои рыдания, на твои стоны нет ответа; а там за одну слезу твою заплачет тысяча глаз. Эх, сестренка! Посмотри на меня. Я нищий, жалкий бродяга, а на сцене я принц. Живу его жизнью, мучусь его думами, плачу его слезами над бедною Офелией и люблю ее, как сорок тысяч братьев любить не могут. А ты! Ты молода, прекрасна, у тебя огонь в глазах, музыка в разговоре, красота в движениях. Ты выйдешь на сцену королевой и сойдешь со сцены королевой, так и останешься.

Аксюша. Я убита, братец, убита.

Несчастливцев. Ты оживешь, сестра, первые звуки оркестра воскресят тебя.

Аксюша. А Петя?

Несчастливцев. Сестра, ты женщина, а женщины забывают скоро. Ты забудешь его, как забывают все свою первую любовь. Много молодых красавцев, много богачей будут ловить каждый твой взгляд, каждое твое слово.

Аксюша *(качая головой)*. Это нехорошо.

Несчастливцев. Тем лучше, дитя мое; тем больше чести для тебя. Ты брось, оттолкни с презрением золото богача и полюби бедного артиста. Решайся, дитя мое!

Аксюша. Как вам угодно. Я готова на все.

Несчастливцев. Ты будешь моей гордостью, моей славой. А я буду тебе отцом, дитя мое, буду твоей нянькой, твоей горничной. Пойдем ко мне! В такую ночь грешно спать. У меня есть несколько ролей, я тебе почитаю. Эту ночь я отдаю тебе, в эту ночь я посвящаю тебя в актрисы.

Аксюша. Пойдемте! *(Идут к беседке, навстречу им Счастливцев с узлом.)*

Несчастливцев. Стой, беглец! Я великодушен, я тебя прощаю. Торжествуй, Аркашка! У нас есть актриса; мы с тобой объедем все театры и удивим всю Россию. *(Уходят в беседку. Выходят Гурмыжская и Улита.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Гурмыжская и Улита.

Гурмыжская. Ты говорила ему?

Улита. Как же, сударыня, говорила и очень политично говорила. Барыня, говорю, не почивают, потому погода необнаковенная; гуляют они по саду, и даже, может, скучают, так как одни, не с кем им время провести. А вы лежите да нежитесь, какой же вы кавалер после всего этого. Он сейчас вскочил и стал одеваться.

Гурмыжская. Ну, хорошо.

Улита. Да вот еще, матушка-барыня, уж и не знаю, как вам доложить.

Гурмыжская. Говори, что такое!

Улита. Барышня куда-то скрылась.

Гурмыжская. Ушла?

Улита. В комнате нет, и постель не смята.

Гурмыжская. И прекрасно.

Улита. Как же, матушка-барыня?

Гурмыжская. Да так же. Я очень рада. Она мне уж давно надоела, я все не знала только, как ее выжить из дома. А теперь вот и причина есть; что мне ее жалеть, когда она сама себя не жалеет. Я говорила, что она его не стоит.

Улита. Не стоит, не стоит... Далеко ей! Уж и я немало дивилась, как этакому красавцу милому да такая...

Гурмыжская. Ну, это не твое дело!

Улита. Слушаю-с. Уж и еще я узнала кой-что, да только как-то и выговорить страшно. Как услыхала я, так всю в ужас ударило, и так даже по всем членам трясение.

Гурмыжская. Сколько раз тебе приказано, чтоб ты таких глупых слов не говорила. Я сама женщина нервная. Ты всегда меня прежде напугаешь до истерики, а потом скажешь какие-нибудь пустяки.

Улита. Пустяки, матушка-барыня, пустяки, не извольте беспокоиться! Насчет Геннадия Демьяныча.

Гурмыжская. Что же?

Улита. Да, ведь, он вас обманул; он не барин, а актер, и родовую свою фамилию нарушил, теперь Несчастливцев прозывается. И не столько на театре они, а больше все будто пьянством. И одежонка-то вся тут, что на нем, уж это я доподлинно знаю; и пришли сюда пешком с котомочкой.

Гурмыжская. Так он Несчастливцев; слыхала. Ну, это еще лучше.

Улита. И человек-то его тоже актер, только, матушка-барыня, и из актеров-то он самый каторжный, как есть одних чертей представляет.

Гурмыжская. Тем лучше, тем лучше! Как все это ловко для меня устроилось.

Улита. Да чем же, матушка-барыня, хорошо?

Гурмыжская. А тем, что завтра же утром их здесь не будет. У меня не гостиница, не трактир для таких господ.

Улита. Истинно, матушка-барыня. Пожалуйте ручку. *(Тихо.)* Алексей Сергеич идут. *(Отходя.)* Уж вот, можно сказать, картинка, а не барин. *(Уходит. Входит Буланов.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Гурмыжская *и* Буланов.

Буланов *(торопливо поправляясь)*. Что же вы, Раиса Павловна, мне прежде не приказали? Вы бы мне сказали-с.

Гурмыжская. Что?

Буланов. Что вы любите гулять по ночам-с.

Гурмыжская. Да тебе-то что ж за дело! Я люблю природу, а ты, может-быть, не любишь?

Буланов. Я, ведь, как прикажете-с. Ежели вам однем скучно...

Гурмыжская. А тебе не скучно в такую ночь? Тебя не трогает ни луна, ни этот воздух, ни эта свежесть? Посмотри, как блестит озеро, какие тени от деревьев! Ты холоден ко всему?

Буланов. Нет-с, как холоден! Я только не знаю, что вам угодно-с, как для вас приятнее.

Гурмыжская. А, мой милый, ты хочешь играть наверное?

Буланов. Я бы, кажется, бог-знает, что дал, только б узнать, что вы любите! Я бы уж так и старался.

Гурмыжская. Ну, а как ты думаешь, что я люблю? Это любопытно будет тебя послушать.

Буланов. Луну-с.

Гурмыжская. Какой он простодушный! Ах, милый мой, я луну любила, да это уж давно прошло; мне не шестнадцать лет.

Буланов *(подумав)*. Родственников-с?

Гурмыжская. Ха-ха-ха! Прошу покорно! Он уморит меня со смеху! Ах, простота! *(Смеется.)* Как это мало: «родственников!».

Буланов. Виноват-с!

Гурмыжская. Говори, говори! Я приказываю!

Буланов. Не знаю-с.

Гурмыжская. Тебя, дурак! Тебя!

Буланов. Да-с... Я и сам думал, да не смел-с. Давно бы вы-с... а то, что я здесь так сколько времени... Вот так-то лучше, Раисынька! Давно бы ты... *(Обнимает Гурмыжскую и хочет поцеловать.)*

Гурмыжская *(отталкивая его)*. Что ты, с ума сошел? Пошел прочь. Ты неуч, негодяй, мальчишка! *(Уходит.)*

Буланов. Что я сдуру-то наделал! Завтра же меня... отсюда... *(Кричит в след Гурмыжской.)* Виноват-с! Завтра же меня в три шеи! Не слушает. *(Кричит громче.)* Виноват-с! Ничего знать не хочет. *(Падает на скамейку.)* Пропал, пропал, пропал!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ.

ЛИЦА:

Гурмыжская.
Милонов.
Бодаев.
Несчастливцев.
Счастливцев.
Буланов.
Восмибратов.
Петр.
Аксюша.
Карп.

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Карп, потом Буланов.

Карп *(убирает чашки со стола и видит коробку Гурмыжской).* Ишь ты, забыла свою казну, а потом искать примется. Лучше уж не трогать, пущай тут лежит. *(Входит Буланов.)* Геннадия Демьяныча чай кушать дожидаться не станете?

Буланов. Вот еще! Очень нужно!

Карп. Как угодно-с.

Буланов. Да когда он придет, так доложи мне, а Раису Павловну не беспокоить!

Карп. Слушаю-с.

Буланов. Я тебя прошу, Карп, исполнять мои приказания хорошенько. Я беспорядков в доме не потерплю. Я вам не Раиса Павловна; у меня все по струнке будете ходить, а то и марш со двора. У меня всякая вина виновата.

Карп. Что ж делать, сударь, будем исполнять. Мы и не то видали. Поживешь на свете-то, так всего насмотришься. Такие ли еще чудеса бывают.

Буланов. Да и не разговаривать. Я этого не люблю.

Карп. Можно и не разговаривать, оно еще и лучше. Что тут разговаривать! О чем? Дело видимое.

Буланов. Ну, и можешь итти. *(Карп уходит. Входит Несчастливцев.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Несчастливцев и Буланов.

Буланов. Здравствуйте, господин Несчастливцев!

Несчастливцев. Несчастливцев? Ты знаешь, что я Несчастливцев?

Буланов. Знаю.

Несчастливцев. Я очень рад, братец; значит, ты знаешь, с кем ты имеешь дело, и потому будешь вести себя осторожно и почтительно.

Буланов. Да что ж такое? Провинциальный актер, что за важность?

Несчастливцев. Ну, значит, ты не знаешь, кто такой Несчастливцев и как с ним разговаривать. Жаль! Мне придется тебя учить уму разуму, что, разумеется, для меня будет неприятно, а для тебя еще неприятнее.

Буланов. Ну, еще неизвестно. Ведь, это в древние времена физическая-то сила много значила.

Несчастливцев. Что ж, мне с тобою огнестрельное оружие, что ли употреблять! Нет, брат, я — человек простой, и люблю простые средства, натуральные.

Буланов. Оставим этот разговор. Позвольте узнать, что вам угодно?

Несчастливцев. Уж, разумеется, не тебя.

Буланов. Кого же?

Несчастливцев. Что, ты от рождения глуп, или сегодня вдруг с тобою сделалось? Кого? Кого? Ты в этом доме то же, что в операх бывают неизвестные; а я здесь в родной семье. Я пришел чай пить к своей тетке.

Буланов. Извините.

Несчастливцев. В чем тебя извинить? Вот что: ты надень сумку через плечо, прицепи на пуговицу грифельную доску и поди доучиваться.

Буланов. Извините.

Несчастливцев. Ну, извиняю.

Буланов. Не меня; Раиса Павловна просит извинения. Она не может вас принять; она не совсем здорова и чувствует, что посещение и разные гости, хотя бы даже и родные, ей теперь очень в тягость.

Несчастливцев. Она меня гонит? Но за что же?

Буланов. Это до меня не касается. Вообще она просит вас освободить ее от вашего присутствия, которое ее расстраивает.

Несчастливцев. Ну, что делать! Я ее любил, я ее считал вместо матери *(отирает слезу)*. Что ж такое, что я актер? Всякий обязан делать, что умеет. Я, ведь, не разбойник, я честным, тяжелым трудом добываю хлеб свой. Я не милостыню пришел просить у нее, а теплого слова. Обидно!.. О, женщины! Если уж ей хотелось обидеть меня, неужели она хуже тебя никого не нашла?

Буланов *(горячо)*. Послушайте, милостивый государь!

Несчастливцев. О, боже мой! Он разговаривает! Слушай ты, гимназист, школьник, ученик приходского училища! Из уважения к этому дому, я тебя милую, но если ты мне в другом месте попадешься. . .

Буланов. Мы еще посмотрим!

Несчастливцев. Молчи, таблица умножения! Корнелий Непот![16]) Пифагоровы штаны![17]) Ты выменяй образ моего ангела и молись утром и вечером, чтоб нам не встретиться. А если где завидишь меня, так беги без оглядки, творя обеты и молитвы!

Буланов. Да что вы, в самом деле! Вы потише! Раису Павловну беспокоите.

Несчастливцев. Она сама виновата: зачем она посылает ко мне не человека, а котенка. Нельзя равнодушно разговаривать с котенком.

Буланов. Да, кажется, и не о чем разговаривать.

Несчастливцев. Есть мне о чем говорить или нет, тут твоего ума нехватит, ты еще не дорос.

Буланов. Если вы желаете что-нибудь сказать Раисе Павловне, скажите мне, я передам.

Несчастливцев. Да ты что такое? Оруженосец, паж, что ли Раисы Павловны? Менестрель? Ну, наконец, скороход, шут? Говори.

Буланов. Что я, это вы после узнаете.

Несчастливцев. Не желаю. Ну, кто бы ты ни был, передай Раисе Павловне, что я на нее не сержусь, что я желал бы по-родственному проститься; но если она не хочет, так бог с ней.

Буланов. Хорошо, я скажу-с.

Несчастливцев *(заметив коробку, про себя)*. Ящик здесь, надо это принять к сведению. Погоди же!

Буланов. Больше ничего-с?

Несчастливцев. Ничего. Прощай, грифель! *(Уходит. Входит Гурмыжская.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Гурмыжская и Буланов.

Гурмыжская. Ну, уж теперь он сюда больше не заглянет. *(Садится у окна.)* А у тебя есть манера, есть тон; я, признаюсь, этого не ожидала.

Буланов *(ходит, заложа руки назад)*. Все зависит, Раиса, от обстановки. Что я такое был у тебя? Нахлебник, самое фальшивое положение. Согласись сама, что нахлебнику очень трудно вести себя с достоинством.

Гурмыжская. Однако, я на тебя сердита за вчерашнее.

Буланов. Ты, Раиса, поставь себя на мое место! Я так обрадовался!.

Гурмыжская. На все есть форма, мой друг. Ты только представь себе, как ты меня оскорбил своим поведением! Что ты подумал обо мне? Как ты мог себе позволить! Репутация моя тебе известна. Вся губерния уважает меня, а ты...

Буланов *(развязно целует ее руку)*. Прости меня!

Гурмыжская. Прощаю, мой друг, прощаю. Я вообще очень снисходительна, это мой недостаток. Но ты всегда уважай деликатность женщины, ее целомудренное чувство.

Буланов. Разумеется, я еще мальчишка. Что говорить! Но твоя любовь, твоя опытность помогут. Мне бы только установиться прочнее, посмотри, как я буду себя вести — я приберу в руки весь уезд. А что касается твоих интересов, Раиса, так уж поверь...

Гурмыжская. Верю, верю, мой милый. Поди, прикажи позвать ко мне Аксюшу.

Буланов. Да, об этой девушке, надо подумать.

Гурмыжская. Что об ней думать! Особенно тебе, мой друг! Это тебя совсем не касается. Ты уж теперь должен совершенно забыть о ней. Она убежала ночью из дому, от нее надо избавиться.

Буланов. Она была у брата, Геннадия Демьяныча; он всю ночь декламировал ей монологи.

Гурмыжская. Ты почем знаешь? Погляди мне в глаза, погляди!

Буланов. Я видел, проходя мимо беседки.

Гурмыжская. Я тебе верю. Но все-таки она оставаться здесь не может.

Буланов *(с улыбкой)*. Ты начинаешь принимать предосторожности.

Гурмыжская. Не лишнее, мой друг: ты еще так молод, что за себя отвечать не можешь, да и я не могу вполне на тебя надеяться.

Буланов. Да ведь, нельзя ж ее на улицу выгнать, у нее нет никого. Ее бы выдать замуж.

Гурмыжская. Но чтоб выдать ее из нашего дома и чтоб это было прилично, нужно ей дать приданое. А с какой же стати я стану роскошничать для нее? Что вдруг за щедрость такая!

Буланов. Само собой! Нет, уж теперь, пожалуйста, Раиса, никаких лишних расходов! Кабы кто взял ее без приданого.

Гурмыжская. О, тогда другое дело. Чего же лучше! И все конвенансы[18]) были бы сохранены, и издержек немного. Я была бы посаженой матерью, ты посаженым отцом; устроили бы у себя вечер, девишник, благословили бы молодых и бог с ними. Все это было бы благодетельно и недорого. *(Входит Аксюша.)* Вот она сама. Поди, мой друг, поди! *(Буланов уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гурмыжская и Аксюша.

Аксюша. Что вам угодно?

Гурмыжская *(встает)*. Послушай, Аксюша, мне не хочется, чтоб ты обманывалась. Ты живешь здесь и, кажется, воображаешь, что это может вечно продолжаться. В твоем заблуждении виновата я: было одно время, когда я думала отдать тебя замуж за Алексея Сергеича. Теперь ты не должна и думать о нем.

Аксюша. Я и не думаю.

Гурмыжская. Я тебе не верю; но все равно. Очень скоро я увидала, что вы не пара. Я тебе скажу прямо: ты не стоишь этого человека. Тебе даже и мечтать о нем было бы глупо. Что же ты молчишь?

Аксюша. Я слушаю.

Гурмыжская. Такие женихи не по вас, моя милая! Я не знаю, может-быть, он даже за тобой и ухаживал...

Аксюша. Может-быть.

Гурмыжская. Но ты пойми, что это ничего не значит. Это просто прихоть, шалость. Может-быть, и ты с ним кокетничала?

Аксюша. Нет, этого не может быть.

Гурмыжская. Положим; но я должна тебе сказать — уж приятно ли тебе будет, неприятно ли, это не мое дело — ты ему не нравишься. *(Про себя.)* Вот тебе, милая.

Аксюша. Очень рада.

Гурмыжская. Рада? Однако, ты хитрая девушка, но меня перехитрить трудно. *(Про себя.)* Погоди же, я тебя кольну почувствительнее.

(Аксюше.) Я еще тебе скажу; ему нравится другая. Что? Приятно тебе?

А к с ю ш а. Что же мне за дело?

Г у р м ы ж с к а я. Ты не беспокойся, я, ведь, себя обмануть не дам! Он теперь не жених тебе, вы люди посторонние, и, следовательно, вам в одном доме жить нельзя.

А к с ю ш а. Как вам угодно.

Г у р м ы ж с к а я. Ты должна будешь оставить мой дом.

А к с ю ш а. Когда прикажете?

Г у р м ы ж с к а я. Но куда же ты денешься?

А к с ю ш а. Я очень благодарна вам за ваши милости; но когда я оставлю ваш дом, я уж попрошу вас обо мне больше не беспокоиться.

Г у р м ы ж с к а я. Но, может-быть, ты думаешь поселиться где-нибудь поблизости?

А к с ю ш а *(про себя)*. Старушка-то ревнует.

Г у р м ы ж с к а я. Что ты шепчешь? Может-быть, ты переедешь в город?

А к с ю ш а. Может-быть.

Г у р м ы ж с к а я. Но это невозможно.

А к с ю ш а. Отчего же? Ведь, город, Раиса Павловна, не в ваших владениях.

Г у р м ы ж с к а я. Но это ужасно! Это очень близко.

А к с ю ш а. Да, недалеко.

Г у р м ы ж с к а я. Послушай, Аксюша, милая, нет ли у тебя родных где-нибудь, подальше; поезжай к ним, я тебя отправлю на свой счет. Я так боюсь за тебя, моя душа, Алексис такой ветреный мальчик.

А к с ю ш а. Да, он очень ветрен.

Г у р м ы ж с к а я. Ты заметила?

А к с ю ш а. Еще бы не заметить! И еслиб я только захотела...

Гурмыжская. Вот ты сама говоришь. Послушай, милая! Ну, поди ко мне поближе! *(Обнимает ее.)* Ну, сделай это для меня!

Аксюша. Для вас? Это дело другое, так бы вы и говорили. А что вам за надобность беречь меня и смотреть за мной! Просто, вы ревнуете. Вы знатная барыня, а я девочка с улицы, и вы ко мне ревнуете своего любовника.

Гурмыжская. Что за слова ты говоришь!

Аксюша. Ну, да. Я говорю правду. Признайтесь хоть раз в жизни! А то вы всегда и для всех святая, а мы грешные.

Гурмыжская. Душа моя, я тоже женщина.

Аксюша. Признайтесь! Признайтесь, и я убегу от вас за тысячу верст.

Гурмыжская. Ты хочешь, чтоб я открыла тебе свою слабость? *(Обнимает ее.)* Да, я ревнива.

Аксюша. Мне только и нужно. Я ухожу от вас далеко, далеко. *(Хочет поцеловать ее руку.)*

Гурмыжская. За что, за что, моя милая?

Аксюша. За хлеб-соль.

Гурмыжская. Ах, не надо, не надо! *(Целует ее.)* Дай бог тебе всякого счастья!

Аксюша. Я пойду собираться. *(Уходит.)*

Гурмыжская *(садится у окна)*. Ну, слава богу, теперь все улажено, и я могу вполне наслаждаться своим счастьем. Сколько я перенесла неприятностей за эту глупую комедию с родственниками! И по делом. Но уж зато теперь я покойна совершенно. Алексис будет управлять имением, а я займусь только добрыми делами. Определю себе для этого сумму, конечно, небольшую, и буду совершенно в своей сфере. *(Входит Карп.)*

Карп. Геннадий Демьяныч желает вас видеть.

Гурмыжская. Скажи, что я...

Карп. Да они здесь-с; они никаких резонов не слушают.

Гурмыжская. Боже мой, опять! *(Входит Несчастливцев в дорожном платье, снимает котомку и кладет в угол, туда же ставит палку.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Гурмыжская, Несчастливцев, Карп.

Несчастливцев. Поди, Карп, и не пускай никого! Скажи, что мы заняты.

Карп. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Гурмыжская. Какой костюм!

Несчастливцев. Дорожный. Мы пешие путешественники. Это пальто — мой старый друг и товарищ. В непогоду я в этом пальто бродил, как старый Лир,[19]) по степям Новороссии. Часто в бурную ночь я искал убежища, и меня принимали в этом пальто, принимали чужие теплее, чем родные. Прощайте!

Гурмыжская. Прощай, мой друг.

Несчастливцев. Два только слова, и более я вас не буду беспокоить никогда.

Гурмыжская. Я слушаю. *(Берет колокольчик.)*

Несчастливцев. Что это? Вы хотите позвонить? Рано еще. Дайте мне колокольчик! *(Берет колокольчик.)* Я сам позвоню, когда надо будет. Нам свидетелей не нужно. Напротив, тетушка, вы уж постарайтесь, чтоб к нам не вошел никто, а главное, Буланов, если только вам дорога его мизерная жизнь.

Гурмыжская. Хорошо, я не прикажу никому входить. *(Про себя.)* Ах, сон!

Несчастливцев. И прекрасно. *(Ставит колокольчик на стол и садится на стуле подле стола.)*

Гурмыжская *(заметя свою коробку на столе).* Коробка! Я ее забыла. *(Самым ласковым тоном.)* Послушай, мой друг Геннадий, будь так добр, потрудись передать мне эту коробку.

Несчастливцев. Не беспокойтесь! Ей и здесь хорошо.

Гурмыжская. Ну, если ты не хочешь, я сама встану за ней.

Несчастливцев *(вынимает пистолет и кладет на стол).* Не трудитесь!

Гурмыжская. Что ты делаешь? Это ужасно! Я могу умереть со страху.

Несчастливцев. Не бойтесь! Мы будем разговаривать очень мирно, даже любезно. *(Рассматривая коробку.)* Знаете, что? Подарите мне ее на память.

Гурмыжская *(с испугом).* Ах, нельзя, мой друг, тут важные бумаги, документы по имению.

Несчастливцев. Планы, купчие, крепости, межевые книги? Как же они уберутся в такую коробку! Извините, я позволю себе полюбопытствовать. *(Открывает коробку.)*

Гурмыжская. Вот пытка!

Несчастливцев. Вы ошиблись, тут деньги. Злато, злато! Сколько через тебя зла-то! Ну, мы пока ее закроем. *(Закрывает коробку.)* Был один актер провинциальный, оскорбила его женщина, жена антрепренера; он смолчал, но не забыл обиды. Всю зиму он терпел; в последнее воскресенье на масляничце у антрепренера был прощальный вечер для артистов. Слушайте, тетушка!

Гурмыжская. Слушаю.

Несчастливцев. По окончании вечера, стали все прощаться, подходит и он к хозяйке: «пожалуйте ручку», говорит: та ему подала, он ей, тетушка, было-палец и откусил прочь.

Гурмыжская. К чему ты мне это говоришь?

Несчастливцев. Разумеется, он поступил глупо. Я его знаю, он дурак. Можно было сделать умнее.

Гурмыжская. Зачем мне знать все это?

Несчастливцев. На всякий случай не мешает. Другой актер поступил гораздо умнее. У одной богатой помещицы был племянник, человек с благородною душой, но бедный. Вздумал он навестить свою тетку, которую не видал лет пятнадцать. Вот собрался издалека, шел пешком долго; приходит, его принимают по-родственному. Вдруг тетка узнает, что он актер, гонит его из дому, не простясь, срамит его перед людьми, перед дворней.

Гурмыжская. Ах, нет, Геннадий...

Несчастливцев. То-есть, она думала так поступить, а вышло не так. Трагик Несчастливцев не позволит играть собой. *(Открывает коробку.)* Вот, во-первых, трагику Несчастливцеву нужны деньги на дорогу, неприлично ему от богатой тетки пешком итти. Потом, у вас живет бедная девушка. Ну, что хорошего, если она, живя у вас и пользуясь вашими благодеяниями, утопится?

Гурмыжская. Что ты сочиняешь?

Несчастливцев. Я ее возьму с собой, и на ее долю нужно что-нибудь уделить. Потом, так как мы отказываемся от всякого наследства после вас— это нам легко сделать, вы нам и так ничего не оставите, а оставите все гимназисту — и за это нужно что-нибудь взять. *(Считает деньги.)*

Гурмыжская. Ты не томи меня; скажи, сколько тебе нужно?

Несчастливцев. Я великодушен. *(Встает, берет в одну руку пистолет, а в другую коробку с деньгами и подает ее Гурмыжской).* Дайте сами.

Гурмыжская (*поглядывая на пистолет*). Напрасно вся эта комедия! Я тебе должна тысячу рублей; вот твои деньги! Но если ты нуждаешься...

Несчастливцев (*берет деньги*). Довольно! Милостыни не надо. Благодарю вас. (*Прячет деньги.*)

Гурмыжская. Ах, убери, пожалуйста, этот пистолет! У меня душа не на месте.

Несчастливцев. Да чего вы боитесь? Я ведь, не Стенька Разин. В крайнем случае, если вы меня оскорбили очень, я бы убил этого гимназиста, а уж никак не вас. (*Кладет пистолет в карман.*) Ну-с, теперь вы меня, конечно, проводите честь честью. Мы позавтракаем и расцелуемся как следует родственникам.

Гурмыжская. Да, разумеется.

Несчастливцев. Барином я сюда явился, барином и уеду, с честью. (*Звонит в колокольчик. Входит Карп.*) Пошли кого-нибудь поскорее в город нанять самую лучшую тройку до первой пароходной пристани. Да вот, братец ты мой, я уезжаю, так барыня приказывает поскорее собрать хороший завтрак. Подай вина получше, — шампанского.

Карп. Слушаю-с. Завтрак готов.

Гурмыжская. Подай в столовую!

Несчастливцев. Позови Аркадия! (*Гурмыжской.*) Я его вам представлю на прощаньи; вы немного потеряли, что я не познакомил вас прежде.

Карп. Сударыня, Иван Петров с сыном дожидаются-с.

Гурмыжская. Скажи, чтоб он подождал в столовой. (*Карп уходит.*) Извини меня, любезный друг, я тебя должна оставить ненадолго.

Несчастливцев. Помилуйте! Между своими...

Гурмыжская. Мне нужно одеться. Я жду гостей. Поди в столовую, покушай на дорогу, я приду с тобой проститься.

Несчастливцев. Значит, мы расстаемся мирно. Вы на меня не сердитесь?

Гурмыжская. Нет, не сержусь; но мне кажется, что можно было бы тебе вести себя поделикатнее, я все-таки дама.

Несчастливцев. О, боже! Я вас оскорбил? Скажите, оскорбил я вас? Я не прощу себе. Я застрелюсь при ваших глазах. *(Вынимает пистолет.)*

Гурмыжская. Ах, нет, нет!

Несчастливцев. Нет, вы мне скажите, обидел я вас? О, я!..

Гурмыжская. Ах, нет, нисколько, напротив. *(Уходит.)*

Несчастливцев. Вот так-то лучше... Я уж теперь и сам не разберу. Несчастливцев я или Ротшильд.[30] *(Входит Счастливцев.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Несчастливцев и Счастливцев.

Несчастливцев. Ну, Аркадий, теперь можно будет нам и отдохнуть. Денег, братец, у меня много. *(Показывает пачку ассигнаций.)* Поедем мы с тобой до Волги в хорошем экипаже, а потом на пароходе в первом классе.

Счастливцев. Геннадий Демьяныч, бесподобно! Ах, бесподобно! Уж как я комфорт люблю, кабы вы знали.

Несчастливцев. Сделают нам выгодные предложения, так мы с тобой примем, будем играть, а нет, так и не надо. Поедем в Нижний на ярмарку за бенефисом; да бенефис чтоб в начале августа, а в сентябре, шалишь, не возьму. Покутим, братец.

Счастливцев. И уж товарища вам лучше меня не найти: я, знаете, я, Геннадий Демьяныч, рожден для такой жизни. А бедность что! В бедности-то всякий жить умеет; нет, ты умей прожить деньги с эффектом; тут много ума нужно, Геннадий Демьяныч.

Несчастливцев. А теперь, брат, пойдем, выпьем доброго вина, закусим на дорогу, по стакану, по другому шампанского.

Счастливцев. Вот жизнь, Геннадий Демьяныч! Вот это я понимаю. А то что: пешком... сам себя презираешь. Не знаю, как вы, а я презираю такую жизнь. Я всегда за богатых людей. Кто шампанское пьет, хорошие сигары курит, тот и человек, а остальное — ничтожество. Так, ведь, Геннадий Демьяныч? *(Уходит в столовую. Входит Аксюша.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Аксюша, потом Петр и Несчастливцев.

Аксюша. Где же братец. *(Заглядывает в дверь.)* Он в столовой, и Петя там. Как бы его вызвать! Мне бы только хоть два слова сказать на прощанье, при людях неловко будет. *(Тихо.)* Петя! Петя! Услыхал, идет. *(Петр тихо боком прокрадывается в дверь.)*

Петр. А, это ты?

Аксюша. Тише, ради бога, тише! Кончено дело, у братца денег нет; я еду с ним далеко и навсегда. *(Берет его голову, прижимает к себе и целует.)* Прощай! Ступай! Ступай!

Петр. Едешь? Куда, зачем?

Аксюша. В театр, в актрисы.

Петр. Что ты, опомнись, с ума ты сошла!

Аксюша. Решено, решено. Ступай, ступай!

Петр. Что ты! У меня сердце упало, ровно кто меня камнем в грудь-то ушиб. А, ведь, я с тятенькой опять говорил.

Аксюша *(робко и оглядываясь)*. Ну, что же?

Петр. Сначала, известно, два часа ругал без отдыха; потом говорит: хоть бы тысячу за тебя, дурака, дали.

Аксюша. Я на прощанье словечко закину тетеньке; а впрочем, надежды мало. Ну, ступай! *(Целует его.)* Прощай! Ужо не прощайся! Стыдно. Глазами только проводи, я на тебя все глядеть буду.

Петр. Ах ты жизнь! Вот бы когда в омут-то с великим моим удовольствием. *(Входит Несчастливцев.)*

Несчастливцев. А! Попались!

Аксюша. Братец, потише! *(Петр уходит.)* Одно слово, одно слово, братец! Утопающий за соломинку хватается. Попросите тетушку, может-быть, она сжалится надо мной; теперь только тысячу рублей нужно, только тысячу.

Несчастливцев. А что ж в актрисы-то, дитя мое? С твоим-то чувством...

Аксюша *(прилегая к нему, нежно)*. Братец... чувство... оно мне дома нужно.

Несчастливцев *(басом)*. Поколебалась! Что на земле незыблемо теперь? Пойдем, меня ждет компания. Дай мне хорошенько вдохновить себя, а то я поговорю. *(Уходит в столовую. Выходят: Милонов, Бодаев и Карп.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Милонов, Бодаев, Карп, потом Гурмыжская и Буланов.

Карп. Пожалуйте-с! Они сейчас выдут.

Милонов. Что это у вас, Карпуша, ныньче как-то особенно парадно?

Карп. Не могу знать. *(Выходит Гурмыжская, очень нарядно и молодо одетая, под руку с Булановым.)*

Гурмыжская. Извините, господа, что я заставила вас ждать!

Бодаев. Да мы ничего и не ждали.

Милонов *(целуя руку)*. Вы прекрасны. *(Отходит и смотрит издали.)* Прекрасны! Вы все молодеете.

Гурмыжская. Мне и нужно молодеть. Господа, я вас звала для подписания завещания, но обстоятельства несколько изменились. Я выхожу замуж. Рекомендую вам будущего моего мужа.

Милонов. Прекрасно! Прекрасно!

Бодаев. Я так и ожидал.

Гурмыжская *(садясь)*. Прошу покорнейше садиться! *(Милонов и Бодаев садятся.)* Алексис, садись!

Буланов *(целуя ее руку)*. Ах, Раиса, позволь, я буду стоять подле тебя.

Гурмыжская. Неправда ли, он мил? Господа, я вижу, что в душе вы осуждаете меня. Прежде выслушайте, потом судите. Господа, у меня оправданий много. Я была — беззащитна, имение расстроено; я думала поручить управление племяннику; но он меня поразил, поразил... Знаете, какую он карьеру избрал? Он актер провинциальный...

Милонов. Ужас, ужас, ужас!

Бодаев. Что такое?

Буланов. О племяннике..

Бодаев. А? Ну, не мое дело.

Гурмыжская. И ведет жизнь самую беспорядочную. Он здесь, у меня; вы можете его видеть.

Милонов. А ваша племянница?

Гурмыжская. Я недовольна ее поведением. Что же мне оставалось делать? Я вас спрашиваю. При все моем желании остаться навсегда вдовой *(томно)* и даже отказаться совсем от света, я решилась пожертвовать собой. Я выхожу замуж, чтоб устроить имение, и чтоб оно не досталось в дурные руки.

Милонов. Это геройский подвиг! Вы героиня!

Бодаев. Ну, какая героиня? Просто блажит.

Милонов. Давно бы вам, давно бы...

Гурмыжская. Ах, Евгений Аполлоныч, надо было найти человека. Это так трудно ныньче, так трудно. Ведь, это что за человек, кабы вы знали! *(Нежно взглядывает на Буланова.)* Ах, друг мой!

Буланов *(целуя руку)*. Раиса, ты меня конфузишь.

Милонов *(грозя пальцем)*. Только смотрите, Раиса Павловна, смотрите за ним хорошенько! Он так еще молод.

Гурмыжская. Ах, нет. Он дал мне клятву, страшную клятву.

Буланов. Господа, поверьте, что я постараюсь быть достойным той чести, которую мне делает Раиса Павловна, избирая меня своим супругом. Что касается интересов Раисы Павловны, то, господа, в самом скором времени само дело будет говорить за меня; вы увидите наше имение в цветущем положении.

Милонов. Каков? Каков? Прекрасно, молодой человек, прекрасно!

Гурмыжская. Я вам говорила...

Бодаев. Все врет, все промотает.

Буланов. Господа, хотя я и молод, но я очень близко к сердцу принимаю не только свои, но и общественные дела, и желал бы служить обществу.

Поверьте, что вы найдете во мне самого горячего защитника наших интересов и привилегий.

Милонов. А вот мы жаловались, что людей-то нет. Для новых учреждений нужны новые люди, а их нет. Вот они!

Бодаев. Что ж, пожалуй; пусть служит, мы неразборчивы.

Буланов *(пожимая плечами)*. Вот только года мои... и я не понимаю, к чему эти стеснения! Если я чувствую себя способным...

Милонов. Ну, что ж, мы подождем годика два; а там и в управу или другую почетную должность найдем.

Гурмыжская. Господа, кушать сегодня мы будем поздно; а теперь можно по бокалу шампанского. Карп, подай шампанского.

Карп. Слушаю-с. Честь имею поздравить, сударыня. *(Про себя.)* Пойти оповестить! *(Уходит.)*

Милонов. Но откуда такой ум, такая сила в молодом человеке?

Гурмыжская. Ах, он много страдал, бедный! Мать его была богатая женщина, и он с детства был приучен к неге, к раболепству прислуги и всех окружающих; потом они обеднели, и он узнал страшную нужду. Ужасно! Он рожден повелевать, а его заставляли чему-то учиться в гимназии. *(Входит Карп с бутылкой шампанского и бокалами. Все встают.)*

Милонов *(принимая бокал)*. Все высокое и все прекрасное основано на разнообразии, на контрастах. Возьмем самые изящные сочетания в природе, и что ж мы видим? Суровый гранит и меланхолический плющ, несокрушимый дуб и нежную павилику. И теперь перед нашими глазами: непоколебимая добродетель, житейская мудрость, укрепленная опытом, в союзе с нежной, молодой

отраслью благородного питомника. Раиса Павловна, Алексей Сергеич! желаю вам многолетней, безмятежной жизни, на радость вам, на утешение ваших друзей и на пользу всего окрестного населения до самых отдаленных пределов! *(В столовой «ура!».)*

Гурмыжская. Что такое?

Карп. Геннадий Демьяныч изволят... за ваше здоровье.

Милонов. Господа, я не могу говорить: все прекрасное и все высокое заставляет молчать уста мои и вызывает горячие и обильные слезы на мои ресницы. *(Пьет.)*

Гурмыжская *(жмет ему руку)*. Благодарю, благодарю вас. *(В столовой «ура!».)*

Бодаев *(с бокалом)*. Поздравляю! Постарайтесь жить счастливо, и я первый буду очень рад! *(Пьет.)*

Гурмыжская. Покорно благодарю! *(Буланову.)* Какой грубый человек! *(Садятся. В столовой «ура!». Двери из столовой растворяются, выходит Несчастливцев, остаются в дверях Счастливцев, Восмибратов, Петр и Аксюша.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Гурмыжская, Милонов, Бодаев, Буланов, Несчастливцев, Счастливцев, Восмибратов, Петр, Аксюша, Карп.

Несчастливцев. Тетушка, поздравляю! Замуж выходите? Время, тетушка, время! И для вас хорошо, и для родственников приятно. Это делает вам честь, а нам удовольствие. Я, с своей стороны, очень рад и одобряю ваш союз. *(Обращаясь к дверям.)* Господа, что же вы стали! *(Счастливцев и Восмибратов подходят.)* Тетушка, рекомендую: друг мой, Аркадий Счастливцев!

Гурмыжская. Очень приятно!

Милонов. Это ваш племянник?

Несчастливцев *(Милонову)*. Честь имею рекомендоваться: Геннадий Гурмыжский. *(Бодаеву.)* Гурмыжский, Геннадий! *(Милонов и Бодаев встают, подают ему руки и садятся.)*

Восмибратов *(Гурмыжской)*. Доброе дело-с. Значит, по закону, как следует. Чего же лучше-с. Очённо приятно-с.

Гурмыжская. Ну, как тебе, Иван Петрович, нравится мой жених?

Восмибратов. Ничего-с, жених во вкусе-с. Ежели насчет малоумия, так это от малодушества, со временем проходит-с.

Несчастливцев *(Счастливцеву и Восмибратову)*. Господа, покорнейше прошу садиться. Тетушка, позвольте мне распорядиться, как дома. Карп, подай, братец, нам вина, да побольше! Ты не жалей; такие случаи редки, ведь, тетушка не каждый год замуж выходит. *(Садится с правой стороны, там же садится Счастливцев и Восмибратов. Карп уходит.)* Продолжайте, господа, ваш разговор, мы вам не мешаем.

Милонов. Нам интересно вас послушать.

Несчастливцев. С величайшим удовольствием, господа. Мне очень приятно говорить в таком благородном обществе. Тетушка, вы счастливы, вы безмерно счастливы?

Гурмыжская. Да, мой друг, я счастлива.

Несчастливцев. В счастии человек делается добрее, благороднее. Не так ли я говорю? Правда, господа?

Милонов. Совершенно справедливо; прекрасно, прекрасно!

Несчастливцев. Тетушка, у вас есть племянница, милое, кроткое создание; у ней есть тоже

жених. Он не так красив и смел, как ваш, но она его любит. А вот его тятенька.

Гурмыжская. Знаю, мой друг.

Несчастливцев. Он, то-есть тятенька, человек русский, господа, благочестивый, но по душе совершеннейший коканец и киргиз-кайсак.[21]) Он человек семейный, очень любит своих детей, любит женить сыновей; но непременно желает получить приданого тысячу рублей по своей жадности и по своему невежеству.

Восмибратов. Это точно, барин, что по невежеству: только нам без этого невежества никак нельзя, потому на нем весь круг держится.

Несчастливцев. Вот, тетушка, для вас прекрасный случай сделать доброе дело.

Гурмыжская. Ах, нет, нет. Что еще за новости! Оставь, пожалуйста! Это не твое дело. Я и так издержала очень много, потом впереди большие расходы.

Буланов. Нам с Раисой теперь нельзя тратить ничего лишнего. Я хочу конный завод завести, пруды надо чистить, копать канавы.

Несчастливцев. Так не дадите?

Гурмыжская. Деньги невелики; но согласитесь, господа, что бывают обстоятельства...

Несчастливцев. Да зачем деньги? Довольно вашего благородного слова в присутствии вот этих господ.

Восмибратов. Для нас ваше слово лучше векселя.

Гурмыжская. Нет, нет! Это неделикатно даже, вдруг, при посторонних... Такое требование... Это насилие... У вас комплот![22])

Буланов. Да ты, Раиса, откажи решительно.

Гурмыжская. Ну, согласитесь, господа, ведь, нельзя же так вдруг... Я решительно отказываю.

Несчастливцев. Так не дадите?

Гурмыжская. Извини, мой друг, не могу.

Несчастливцев *(Восьмибратову)*. Почтенный, скинь что-нибудь! Уважь! Уступи!

Восмибратов. Не расчет, барин. И то уж так, что из хорошего дома, а то бы и внимания не взяли.

Несчастливцев *(встает)*. Тетушка, Раиса Павловна! благодетельница рода человеческого! не роняйте себя перед почтенным обществом! Не стыдите фамилию Гурмыжских. Я краснею за вас. У вас только и родных — я, да она; она уж больше не попросит, а мне приданого не нужно. Гурмыжская не может отказать в такой сумме! Вы женщина богатая, что значит для вас эта малость! Я бедный труженик; но еслиб у меня были... *(ударяет себя в грудь)* а? Что такое? Да они есть. *(Вынимает из кармана деньги.)* Вот они! Признаться, не грех бы бедняге Несчастливцеву и покутить на эти деньги; не мешало бы, старому псу, и поберечь их на черный день.

Счастливцев *(дергая его за руку)*. Что вы делаете?

Несчастливцев. Молчи, Аркашка! Так не дадите?

Гурмыжская. Я уж сказала.

Несчастливцев. Ну, если богатая помещица отказывает бедной девушке в приданом, так не откажет бедный артист. *(Аксюше.)* Поди сюда, дитя мое!

Счастливцев. А говорили, на тройке поедем! Вот тебе и тройка! Вот и пароход.

Несчастливцев. Молчи, Аркашка! *(Аксюша подходит.)* Вот тебе, дитя мое! Бери!

Аксюша. Что вы, что вы, братец! Не надо!

Несчастливцев. Бери, говорят тебе! Я, что задумал — не передумываю, что сделал — не переделываю.

Аксюша *(обнимая его)*. Братец! Братец! *(Карп приносит бутылку вина и стаканы и ставит на стол.)*

Несчастливцев. Ну, довольно; я могу заплакать; а это нехорошо — стыдно.

Аксюша. Как мне благодарить вас?

Несчастливцев. Как благодарить? Скажи: «спасибо», и все тут. Вот теперь выпьем! *(Подходит к столу и наливает два стакана. Аксюша отдает деньги Петру.)*

Петр *(отдавая деньги отцу)*. Извольте получить-с! *(Восмибратов отходит к стороне и считает.)*

Гурмыжская *(Несчастливцеву)*. Это очень великодушно с твоей стороны.

Несчастливцев. Надеюсь! Поди, Аркадий, выпей! *(Счастливцев подходит и пьет.)*

Гурмыжская *(Аксюше)*. Я очень рада, моя милая, что так устроилось, и готова способствовать твоему счастию всем, чем могу; я даже не откажусь быть твоей посаженой матерью. *(Аксюша кланяется.)*

Восмибратов. Много вам благодарны-с. Уж у нас, сударыня, без вас дело не обойдется. Вы у нас на свадьбе-с — пятьдесят процентов к приданому, вот как мы вас ценим. А уж банкет я сделаю для вашей милости, так месяца на два в городе разговору хватит. Пущай по крайности знают.

Милонов *(подходя к столу)*. Прекрасно, прекрасно! Ваш поступок надо напечатать в газетах.

Несчастливцев. Что тут за газеты! Давай, выпьем брудершафт![23])

Милонов. Но, мой милый... нельзя же...

Несчастливцев. А не хочешь, не надо. Убирайся! Пошел прочь. Выпьем, Аркадий. *(Милонов отходит.)*

Бодаев *(Буланову)*. Кто он такой? А?

Буланов. Актер.

Бодаев. Актер? Ах, чорт его возьми! Браво! Браво! *(Подходит к Несчастливцеву.)* Вашу руку! То-то я слушаю, кто так хорошо говорит, благородно. Это такая редкость у нас. *(Указывая на Счастливцева.)* А он тоже актер?

Несчастливцев. Актер.

Бодаев. Он ничего не говорит?

Несчастливцев. Нет, говорит.

Бодаев. Что же он говорит?

Счастливцев. Скворцом свищу, сорокой прыгаю.

Бодаев. А, браво, браво! *(Отходит и сейчас же возвращается к Несчастливцеву.)* Я ему пенковую трубку подарю. Заходите ко мне, милости прошу.

Несчастливцев. Забавлять-то тебя? Шутов заведи! Давай, брудершафт выпьем!

Бодаев. Что? Ха, ха, ха! Он забавный! *(Отходит.)*

Гурмыжская *(Буланову)*. Его надо как-нибудь выжить; он, бог знает, что наделает.

Буланов. Вы, кажется, ехать собираетесь?

Несчастливцев. Давно я, брат, собираюсь.

Буланов. Так не пора ли вам?

Несчастливцев. Аркадий, нас гонят. И в самом деле, брат Аркадий, зачем мы зашли, как мы попали в этот лес, в этот сыр-дремучий бор? Зачем мы, братец, спугнули сов и филинов? Что им мешать! Пусть их живут, как им хочется! Тут все в порядке, братец, как в лесу быть следует. Старухи выходят замуж за гимназистов, молодые де-

вушки топятся от горького житья у своих родных: лес, братец.

Гурмыжская *(пожимая плечами)*. Комедианты.

Несчастливцев. Комедианты? Нет, мы артисты, благородные артисты, а комедианты вы. Мы коли любим, так уж любим; коли не любим, так ссоримся или деремся; коли помогаем, так уж последним трудовым грошом. А вы? Вы всю жизнь толкуете о благе общества, о любви к человечеству. А что вы сделали? Кого накормили? Кого утешили? Вы тешите только самих себя, самих себя забавляете. Вы комедианты, шуты, а не мы. Когда у меня деньги, я кормлю на свой счет двух-трех таких мерзавцев, как Аркашка, а родная тетка потяготилась прокормить меня два дня. Девушка бежит топиться; кто ее толкает в воду? Тетка. Кто спасает? Актер Несчастливцев! «Люди, люди! Порождение крокодилов! Ваши слезы — вода! Ваши сердца—твердый булат! Поцелуи—кинжалы в грудь; львы и леопарды питают детей своих, хищные враны заботятся о птенцах, а она, она!.. Это ли любовь за любовь? О, если б я мог быть геенок! О, если б я мог остервенить против этого адского поколения всех кровожадных обитателей лесов!» [1]

Милонов. Но позвольте, за эти слова можно вас и к ответу!

Буланов. Да просто к становому. Мы все свидетели!

Несчастливцев *(Милонову)*. Меня? Ошибаешься. *(Вынимает пьесу Шиллера*[24]*) Разбойники».)* Цензуровано. Смотри! Одобряется к представлению. Ах, ты злокачественный мужчина! Где же тебе со мной разговаривать! Я чувствую и говорю, как Шиллер, а ты, как подъячий! Ну, довольно!

[1] Из «Разбойников», Шиллера. Дейст. I-е, сцена II.

В дорогу. Аркашка! Прощайте! *(Кланяется всем.)* Тетушка, пожалуйте ручку!

Гурмыжская *(прячет руку)*. Ах, нет, нет...

Буланов. Позвольте ему, он скорее уйдет.

Несчастливцев. Не укушу, не бойтесь.

Милонов. Разумеется, не укусит.

Буланов. Разумеется...

Гурмыжская. Ах, нет, вы не знаете.

Несчастливцев. О, люди, люди! *(Идет в угол, надевает котомку, Аксюша помогает ему и целует его. Берет в руки палку.)* Ну, Аркадий, мы с тобой попировали, пошумели, братец; теперь опять за работу! *(Выходит на средину сцены, подзывает Карпа и говорит ему с расстановкой и внушительно.)* Послушай, Карп. Если приедет тройка, ты вороти ее, братец, в город; скажи, что господа пешком пошли. Руку, товарищ! *(Подает руку Счастливцеву и медленно удаляется.)*

Занавес.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Трельяж — тройное складное зеркало.
2. Авантаж (фраиц.) — выгода, польза.
3. Земство — собрание выборных от всех людей, живущнх на нзвестиой территорнн, за нсключеннем админнстрацин н войска; в даином случае речь ндет о земстве, учрежденном в России в царствованне Александра II (1864 г.) н являвшемся органом местного самоуправлеиия.
4. Кантоннсты — сыновья солдат в возрасте от 14 до 20 лет, которые до введения в Россин всеобщей воинской повннности обязаны былн служнть на военной службе.
5. Ермолка — домашняя мужская шапочка.
6. Махаиально — нскаженное: машннально, бессознательно.
7. Штуцер — нарезное охотничье ружье.
8. Водевнль — легкий род театральных пронзведений, состоящнх обычио нз одного акта, комического содержаиия.
9. Бутафорня — обстановка театральных пьес, за нсключением декораций.
10. Резонер — любнтель рассужденнй, особенно научного характера; в литературном пронзведеннн — это лнцо, выражающее мыслн автора.
11. Амбнция (лат.) — самолюбие, обндчнвость.
12. Камарднн (немец.) — нскаженное слово камердннер — комнатиый слуга.
13. Апломб (франц.) — уверенность, сознание собственного достоиинства.
14. Ампоше (франц.) — сунуть в карман, здесь — «прнкарманнть».

15. «Прощай, моя радость!»

16. Корнелий Непот (95 — 28 г. до христианской эры)— римский историк, автор многочисленных исторических сочинений и биографий иностранных и римских деятелей.

17. Пифагор — знаменитый греческий философ и математик, живший в VI веке до христианской эры. Автор знаменитой геометрической теоремы о свойстве сторон прямоугольного треугольника, носящей его имя. Чертеж пифагоровой теоремы напоминает несколько брюки; отсюда выражение «пифагоровы штаны».

18. Конвенансы (франц.) — приличия.

19. Король Лир — герой трагедии английского поэта Шекспира (XVI век) того же имени.

20. Ротшильд — один из крупнейших богачей прошлого столетия составивший себе состояние банковскими операциями.

21. Коканец и киргиз-кайсак — восточные народности, здесь в смысле некультурный, дикий человек.

22. Комплот (франц.) — заговор.

23. Брудершафт (немецк.) — братство, выпить брудершафт значит выпить на «ты».

24. Шиллер — немецкий поэт (1759 — 1805).

ФСР

е в а.

75 к.

е в а.

5 к.

м а.

90 к.

м а.

. 50 к.

здата